
Алексей Птица
Конструктор живых систем
Красный лёд

Алексей Птица

Конструктор живых систем: Красный лёд

«Автор»
2025

Птица А.

Конструктор живых систем: Красный лёд / А. Птица — «Автор», 2025

На кону стоит судьба, близится развязка. Фёдор Дегтярёв не знает, что ждёт его впереди. Его цель - закончить академию и достичь большего, но на пути всегда кто-то встаёт, а события, что разворачиваются вокруг него грозят похоронить все его мечты на корню. А империя в это время постепенно начинает скатываться в кровавый хаос преддверия войны всех против всех.

© Птица А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Разбирательство 5
Глава 2. Женевьева 10
Глава 3. Развязка 17
Глава 4. Лаборатория 24
Глава 5. Стратегия и тактика 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Алексей Птица
Конструктор живых систем: Красный лёд

Глава 1. Разбирательство

– Ну-с, молодой человек, расскажите нам, как всё происходило в тот день, и постарайтесь ни о чём не умолчать, это в ваших же интересах, – сказал мне чопорный господин, одетый в форменный сюртук чиновника министерства образования. Этот длинноволосый господин, черноусый, с редкими вкраплениями седых волос в окладистой бородке, являлся заместителем декана радиотехнического факультета академии. Звали его Виктор Абрамович Формазон.

– Не в моих интересах что-либо утаивать, я чист и перед собою, и перед законом, – ответил я, поежившись под его пристальным взглядом.

– Ну, это мы сейчас проверим.

– Виктор Абрамыч, не надо давить на моего студента, мы не в суде, а в стенах нашей благословенной академии. И разбираем дело не об убийстве или воровстве, а о мерзком поведении, прежде всего, студентов вашего факультета, а не моего. Дегтярёв пострадавший, а не учинитель беспорядков, поэтому…, – счёл нужным вмешаться мой декан.

– Василий Петрович, я вас попрошу не встревать в процедуру опроса вашего студента, я молчал, когда вы опрашивали моих.

– Ой ли?! Виктор Абрамыч?!

– Давайте без этих экивоков, Василий Петрович.

– Господа деканы, прошу вас соблюдать рамки обязательной процедуры опроса обеих сторон, как пострадавшей, так и зачинщиков. Мы здесь собрались не для словесных пикировок, а для пользы дела и недопущения подобного впредь!

Этот призыв принадлежал заместителю ректора, высокому светловолосому господину, что даже не вставал, а лишь хмуро смотрел на всех собравшихся, время от времени подёргивая лицом при выслушивании очередных словесных эспланад.

– Клементий Варламович, – я всё делаю согласно вашим указаниям, – тут же поклонился в его сторону заместитель декана электротехнического факультета, где и училась вся «пострадавшая» троица.

– Я не уполномочивал вас вести дискуссии на столь важном заседании, потрудитесь не отвлекаться, если уж вы взяли на себя роль адвоката своих студентов и заодно академического обвинителя, чего я вам категорически не советую делать.

– Я понял, ваше высокоблагородие, прошу меня извинить.

– Продолжайте, – нахмурил светлые брови заместитель ректора и опустил взгляд на бумаги, что лежали прямо перед ним.

– Итак, господин студент, прошу вас ответить мне, что случилось поздно вечером между вами и тремя другими студентами?

Прежде чем ответить на вопрос, я оглядел всю аудиторию, в которой проводилось заседание, разбиравшее нападение на меня. Я и не предполагал, что всё окажется весьма сложно, и настолько для меня неприятно. Не знаю, как такое могло произойти, но на следующий день после происшествия я узнал, что из помещения вахтёра пропало моё форменное пальто. Случилось это ночью, вахтёр обнаружил его пропажу только рано утром, кинулся искать, но тщетно.

Дальше-больше. Вся троица поначалу стала доказывать, будто они меня не знают, и не ведают, кто я такой вообще, что меня особо не удивило. Но свидетельские показания кладов-

щика Михея Илларионовича (так, оказалось, его зовут, а я, болван, даже не удосужился узнать его имя-отчество), отвергли их ложь.

Потом пошли множественные опросы, фактически допросы. Меня постоянно выдёргивали с занятий, чтобы я в сотый раз рассказал, что произошло и, может, понял, что всё это привиделось. Полицию руководство академии не уведомляло, да оно и ни к чему, суд чести тоже никто не планировал проводить, так как моя честь обычного гражданина не шла ни в какое сравнение с дворянской.

Казимир даже попытался выдвинуть аргумент, что его дворянская честь пострадала, но не нашёл сочувствия ни у кого, так как всё оказалось при дальнейшем разбирательстве слишком неоднозначно, на том этот вопрос и затух сам по себе. Надеюсь, что мурыжили этими допросами не только меня, но и моих противников, всё же, соотношение один против трёх, несомненно, давало мне фору перед ними, даже учитывая их преимущество в происхождении и деньгах.

Матушку я не уведомлял об этом досадном происшествии, так как не видел в том никакого смысла. Помочь мне она не имела возможности, а расстроить и переживать за меня ей всё равно придётся, но уже постфактум, когда я сам разберусь со всеми проблемами, что, как снег, обрушились на мою ещё совсем молодую и отчасти глупую голову.

Ну, а сейчас шло итоговое заседание по принятию мер, как ко мне, так и к моим противникам. Я вновь, в который уже раз, рассказал всё с мельчайшими подробностями, как происходило дело в тот неладный вечер, ничего при этом не утаивая, так как все всё давно разузнали и выведали, но вот отсутствие вещественного доказательства сильно подрубало мои аргументы.

– Так вы утверждаете, что это у вас был уже третий конфликт?

– Да.

– Однако, вы исключительно конфликтный человек. Мне кажется, что корень этого недопонимания лежит именно в вас, господин Дегтярёв. Как вы считаете?

Я уже с трудом сдерживался, чтобы не высказать всё, что думаю, этому фрукту, но сдержался, буквально чудом.

Сегодня третье ноября, Пётра совсем недавно наградили за спасение людей при крушении поезда, а меня никак не упомянули, осталось только порадоваться за Петра, что я и сделал.

Его награждение состоялось буквально несколько дней назад, а у меня все мысли вертелись вокруг размышлений о том, чем всё закончится для меня: либо отчислением, либо восторжествует справедливость, в чём сейчас я вообще не был уверен. Однако, нужно стать хладнокровнее и не допускать вспышек гнева, ведь за моей спиной никого нет, я один и буду защищаться до последней минуты, как умею.

«Надо держаться и не дать себя разозлить», – думал я. «Этот гнус нарочно надо мной издевается, передёргивая факты, как ему выгодно. Он взрослый, я ещё слишком молод и не всё понимаю, но ничего, ничего», – эта мысль билась у меня в мозгу, словно жилка на виске. Сглотнув слюну, ставшую вязкой, я ответил.

– Вы ошибаетесь, ваше благородие. Даже если бы я соответствовал вашим словам, то не пытался идти на конфликт с тремя студентами, что сословно выше меня. Это просто глупо и бессмысленно.

– Я не могу заглянуть в вашу голову, господин студент.

– Тогда зачем вы придумываете за меня то, чего не было, и быть не могло? – неожиданно для самого себя почти выкрикнул я.

– Гм, – заместитель декана несколько опешил, не ожидая подобной отповеди, и не сразу нашёлся, что сказать, он даже оглянулся назад, ожидая поддержку у своих коллег, но не нашёл её. Всем эта история уже давно казалась ясна, и теперь разворачивался последний акт закулисной игры покровителей трёх неблагополучных студентов.

– Господин студент, здесь я задаю вопросы, а вы только на них отвечаете. Вы уже и так бросили тень на уважаемых людей, которые учат в нашей академии своих сыновей. Мы должны всячески помогать адаптироваться данным личностям, а тут ваша, в высшей степени тонкая, провокация!

Я потрясённо молчал, выслушивая претензии. Казимир, Густав и Вахтанг, которые сидели в противоположной части аудитории, обменялись понимающими взглядами, храня, между тем, молчание. Всё это я увидел краем глаза.

– Виктор Абрамыч, не соблаговолите ли вы пояснить свои слова? – вмешался мой декан.

– С превеликим удовольствием, Василий Петрович. Не далее, как за две недели до этого досадного инцидента, или около того, студент Дегтярёв преподнёс спокойно обедавшим трем моим студентам некий подарок, в виде пирога с мозгами, тем самым указав на их, ммм, недостаточный интеллектуальный уровень.

– Право слово, что за глупости вы тут говорите, при чём тут пирог с мозгами, пусть и бараньими, и вот это всё, ради чего мы сегодня здесь собрались?

– Ну, намёк оказался более, чем прозрачный.

– А что, ваши студенты действительно считают, что они бараны, раз приняли сие на свой счёт, и какие у вас есть доказательства данного действия?

– Вот, извольте, показания официанта, что в тот день обслуживал их.

Бумага с показаниями тут же загуляла по рукам присутствующей комиссии.

– И что скажете, господин Дегтярёв? – полностью уверенный в своей правоте, торжествующе спросил у меня Фармазон.

– Да, этот случай имел место, только тогда вы можете заодно опросить Петра фон Биттенбиндера, он присутствовал при этом и подтвердит мои слова, что Казимир Блазовский прислал мне тарелку пустой гороховой каши, с пожеланием кушать то, что дают бесплатно. Если вы не знаете, почему они так сделали, то я вам поясню. Дело в том, что я обедаю по бесплатному талону, что выдала мне академия, так что, их намёк оказался ещё более прозрачным. Я только вернул им долг и не более. Я с глубоким уважением отношусь к любым студентам, если они не затрагивают меня лично и мою честь, тут я в праве защищать себя по мере сил и возможностей.

– То есть, вы признаёте, что своим поступком спровоцировали этих трёх студентов на дальнейшее с вами разбирательство, и назначили им место и время для встречи, вдали от часто посещаемых мест?

– Нет, это не так.

– Гм. Ну что же, другого ответа я от вас и не ожидал. Впрочем, я вам всё равно не верю. Скажите, а у вас было оружие?

– Нет, – растерянно ответил я, – у меня нет оружия, я не ношу его, к тому же, я просто не могу позволить себе его купить. Да я и не на войне, зачем оно мне вообще?

– Понятно. Дело в том, господа, что я узнал, что данный студент постоянно демонстрирует с помощью своего дара некий револьвер. При этом он показывает просто превосходную детализацию и визуализацию объекта, что невозможно без абсолютного знания и постоянной практики с подобным предметом, – сказал Фармазон, обводя взглядом аудиторию, и тут же повернулся ко мне, выстрелив вопросом, – что скажете, Дегтярёв?

– Скажу, что это выдумки! – чуть ли не выкрикнул я в лицо преподавателю. Кровь уже давно прилила мне к лицу, заставив его запылать, голову туманила ярость, ища выход, я всё больше терял контроль над собой из-за надуманных и, скорее всего, специально выдвигаемых претензий.

Я очень старался сдерживаться, ведь каждое моё слово может истолковано сейчас сугубо превратно и направлено против меня же, но как промолчать, когда обвинения сыплются, как из рога изобилия, становясь всё более и более абсурдными.

– Я хотел продемонстрировать знание оружия, чтобы меня взяли в бомбардирскую академию. Я желаю стать военным, пусть инженером, но военным! – почти крича, ответил я, отчего голос резко сел, – но меня не взяли, – закончил я уже почти шёпотом.

– Понятненько, но револьвер у вас, всё же, с собою имелся, и им вы угрожали трём несчастным студентам, которым пришлось защищаться. Прошу внимания, господа, – внезапно возвысил голос Фармазон. – Прошу вашего внимания! Дело в том, что, как мне сообщили мои подопечные, у Дегтярёва имелся небольшой револьвер, который он вытащил из кармана, когда повстречался с ними. Он угрожал, отчего Густав Седерблом оказался вынужден применить превентивные меры. Но, как выяснилось позднее, пистолет являлся игрушечным и сломался, вот его остатки, – и, нагнувшись под кафедру, за которой стоял, Виктор Абрамович достал саквояж, широко распахнул его, сунул в его нутро руку и явил миру обломки какого-то изделия, весьма отдалённо напоминающего револьвер.

Впрочем, при ближайшем рассмотрении в обломках можно было узнать некую оружейную конструкцию, от револьвера неизвестной системы, сделанную из дерева, металла и каучука. Скорее всего, какая-то самоделка, по-простому именуемая пугачом. Где его нашёл замдекана, оставалось только догадываться, но, тем не менее, он взял на себя труд найти и продемонстрировать эту гадость.

– Это не моё! – уже бледнея, отказался я.

– Ну, конечно, это не ваше, но на нём имеются ваши пальчики. Господа, я провёл дактилоскопическую экспертизу, которая явственно указывает, что на рукоятке данного несерьёзного оружия присутствуют отпечатки пальцев студента Фёдора Дегтярёва. Вот, полюбуйтесь на заключение эксперта. Всё точно.

– А по какому праву вы нашли мои отпечатки пальцев и выдали их эксперту? Это нарушение моих прав! – вновь вспылил я, в отчаянной попытке защитить своё имя.

– А я не обязан отчитываться перед вами. Это сделано с разрешения ректора, что является руководителем нашей академии, в стенах которой сейчас решается ваша судьба. Это внутреннее дело академии, поэтому мы имеем полное право брать то, что считаем нужным. Понятно вам, студент Дегтярёв?!

– Понятно, – подавленно прошептал я и замолчал.

– Итак, господа! Налицо откровенная провокация данного субъекта, с целью опорочить трёх невиновных, защищающих свою честь, студентов. Да, они использовали свой дар в этой безобразной драке, но они противостояли немотивированной агрессии данного субъекта, что нарушил неприкосновенность чести каждого из них. Он их принудил это сделать, когда они поняли, я специально оговорюсь, когда поняли ошибочно, что есть угроза их жизни или здоровью, и приняли меры, противодействуя агрессору с помощью своего дара. К тому же, главное вещественное доказательство утеряно, если оно вообще присутствовало. Так что, ещё неизвестно, имелась ли угроза здоровью Дегтярёва и порча казённого имущества. Скорее всего, нет, а пальто и вовсе исчезло. Осмелюсь предположить, что его выкрал сам же Дегтярёв, чтобы замять дело.

От этих чудовищных обвинений моё горло сжал нервный спазм, я мог только хватать воздух ртом, и с трудом произнес одну единственную фразу.

– Это клевета!

– Вещественное доказательство имелось, как есть ясные и понятные показания кладовщика, – решил вмешаться в речь Фармазона заместитель ректора, – не надо драматизировать ситуацию, Виктор Абрамович, говорите по существу и не пытайтесь манипулировать действиями и поступками, как ваших подчинённых, так и этого юноши, решать их судьбу всё равно станете не вы.

– Да-да, я понимаю, но всё же, есть данный факт, – но заместитель ректора опять уткнулся в бумаги, тем самым давая понять, что не намерен дискутировать дальше на эту тему.

– В общем-то, у меня всё, – немного помолчав, продолжил Фармазон. – Я считаю, что в связи с тем, что дар применили обе стороны, практически с нулевым результатом, то виноваты все участники, если не брать в расчёт агрессивного поведения студента Дегтярёва. А если обратить на это внимание, то я прошу учесть данное обстоятельство при решении его судьбы. Людям с подобным поведением не место в нашей академии. Мы должны защищать добросовестных студентов от посягательств на их честь и достоинство, не мешать им проводить время в изучении точных наук, готовясь к своей будущей профессии. Я считаю, что студента Дегтярёва необходимо отчислить из академии, дабы другим неповадно стало совершать столь опрометчивые поступки, а моих студентов наказать дисциплинарно и обязать выплатить штраф, на который они согласны, после чего закрыть дело.

Заместитель ректора господин статский советник Новицкий поднял голову от бумаг и, пристально посмотрев на Фармазона, спросил.

– У вас всё, Виктор Абрамович?

– Почти. Я могу привести ещё ряд аргументов, но вы предупреждали, что не стоит затягивать заседание, поэтому на этом я заканчиваю.

– Спасибо, вы сказали очень содержательную речь, прошу вас вернуться на своё место. Ну что же, Василий Петрович уже высказывал своё мнение и задавал вопросы, так что, общая картина ясна. Я думаю, что у всех присутствующих сложилась в голове определённая картина произошедшего, и каждый составил своё мнение о факте. А посему предлагаю проголосовать о принятии мер по нашим студентам. Начнём, пожалуй, со студента Дегтярёва, или с Блазовского, что думаете, господа?

– Нужно начинать с пострадавшего в первую очередь, – тут же подскочил Фармазон.

– Гм, если бы я вас не знал, Виктор Абрамович, то подумал, что вы на стороне Дегтярёва, но увы. Впрочем, начнём с него, раз вопросов больше ни у кого не осталось.

– У меня есть возражение, – вмешался Матецкий, декан факультета воздушного транспорта.

– Я знаю все ваши возражения, Василий Петрович, вас мы уже слышали, ничего нового вы не скажете. Итак, предлагаю создать что-то вроде суда присяжных из числа всех присутствующих, для рассмотрения данного дела. Всего нас, – тут заместитель ректора окинул всех взглядом, – десять человек, как раз хватит на полноценную комиссию, ну что же, тогда начнём.

Глава 2. Женевьева

Женевьева, присутствуя на очередной лекции, весьма рассеяно слушала выступающего, её мысли сейчас находились слишком далеко от тематики занятия. Она мечтала. И мечты уносили молодую графиню далеко от стен академии. Она представляла, как бороздит воздушное пространство на личном дирижабле, видела, как отважная лётчица графиня Женевьева Васильева пилотирует летательный аппарат, спасает людей, вызволяя их из…

Тут её мысли внезапно обратились на скромного юношу по фамилии Дегтярёв. Давненько она его не встречала, только видела один раз на прошлой неделе, и то совсем мельком. Надо бы узнать, куда он пропал и почему, а то скучно что-то без него. Кажется, у него конфликт с кем-то произошёл, она слышала о том, но вспомнила только сейчас.

– Марфуша, – обратилась она к сидящей рядом девушке, что происходила из купцов второй гильдии. – А что там за история с Фёдором Дегтярёвым? Я краем уха слышала, но он меня мало интересует, тут что-то вспомнила, а то лекция скучная, да и бестолковая какая-то, ты не находишь?

Марфа Дерябкина, плотная, крепко сбитая светловолосая девица с приятными чертами округлого лица и маленьким курносым носиком захлопала красивыми длинными ресницами, удивлённо выпучив голубые глаза.

– А ты что, и не знаешь? Это самая интересная новость на всём первом курсе всех факультетов.

– Да?! Я слышала про какой-то глупый конфликт мальчиков. Дегтярёв вечно во что-то встревает, и его запоминают преподаватели. У него прямо дар к этому, – и она искренне рассмеялась, её смех тут же подхватила Марфа, с опаской косясь на преподавателя. Впрочем, тот продолжал бубнить себе под нос материал лекции, постоянно чего-то чёркая мелом на большой чёрной доске, и не обращал никакого внимания на переговаривающихся студентов.

– Нет, там всё по-серьёзному. Представляешь, эти трое…

– Кто трое? Говори яснее, я же тебе говорила, что я не знаю, что там произошло. Слышала, что конфликт Дегтярёва с кем-то, по которому идёт разбирательство, и всё на том. А что и почему конкретно, я не узнавала, потому как мне не интересно. Ну подрались, и всё, а тут значительный конфликт на весь курс, оказывается!

– Да ты что! Напали на Фёдора втроём. Они постоянно так делают, Это Блазовский, Вакабидзе и Седерблом, они второкурсники, любят цепляться ко всем. Чтобы чисто посмеяться, вроде и несерьёзно всё, но если кто-то станет возмущаться, они сразу же начинают давить. Я слышала, что они ко многим так пристают.

– Угу, а зачем им это?

– Как зачем? – опешила Марфа. – Я же сказала, чтобы посмеяться, любят они это дело.

– Это называется не посмеяться, а поиздеваться над более слабым, Марфа.

– Может и так, – пожала пухлыми плечами та, – я не знаю. Но в этот раз они нарвались на неприятности. Не знаю как, но Дегтярёв заставил их напасть на него с помощью дара, говорят, они ему пальто всё продырявили электроразрядами. Они же втроём на электротехническом учатся, и у них специализация электричество. А потом это пальто украли, там кладовщик свидетелем был.

– Уважаемые сударыни, не могли бы вы прекратить разговаривать, – внезапно услышали они голос лектора, видимо, так увлеклись разговором, что тот не выдержал и решил сделать им замечание.

Марфа тут же замолчала и спрятала взгляд в тетради. Женевьева же молча кивнула и одарила лектора одной из самых обворожительных улыбок, что постоянно тренировала перед

зеркалом. Лектор, уже пожилой худощавый мужчина, не стал заострять на мелком нарушении своё внимание, кивнул в ответ и вновь повернулся к доске, продолжая писать очередную длинную и скучную формулу.

– После лекции расскажешь.

– Ага, – приглушённо ответила Марфа и попыталась вникнуть в суть рассказа преподавателя.

Свой диалог девушки продолжили уже после окончания лекции.

– И каков итог этого весьма странного противостояния? – холодно спросила Женевьева, выслушав рассказ Марфы, стараясь подражать тону матери.

– Проводятся разбирательства, но ходят слухи, что Блазовский и компания подключили родственные связи, да и не только. Они же картёжники, у них должников много, они в клубе состоят, а туда многие вхожи, и кто-то ещё стоит за Седербломом, не из родственников, а…, а непонятно кто. Он вообще мутный тип, этот свей, и закончится всё отчислением Дегтярёва. Вот помяни моё слово!

– Марфа, хватит разговаривать, как крестьянка с базара, выражайся культурно и ясно. С чего такая уверенность, что Дегтярёва отчислят?

– Так они и адвоката наняли известного, и заместитель декана факультета на их стороне, а он обладает многими связями, я слышала о нём.

– Откуда ты всё это знаешь, Марфа?

– Ну, я общаюсь со всеми.

– Так девушек в нашей академии почти и нет.

– И что? Я всех слушаю, и вообще.

– То есть, ты подслушиваешь чужие разговоры?

– Нет, – слишком быстро ответила Марфа, но Женевьева всё прекрасно поняла.

На самом деле Марфа для неё оказалась весьма ценным источником информации, правда говорить ей об этом Женевьева не спешила, пусть думает себе, что хочет, а она воспользуется маниакальным желанием молодой купчихи оказываться в курсе всех событий. Ей интересоваться оным не к лицу, а знать, что происходит в стенах теперь уже и её академии, очень хочется.

– Так ты говоришь, что дела у Дегтярёва очень плохи?

– Я только догадываюсь об этом.

– Да, интересно, когда развязка, и чем всё это закончится.

– Заседание назначено на следующую субботу, там всё и решится.

– Точно?! – подняла тонкие брови Женевьева.

– Ей Богу! – перекрестилась Марфа, и тут же одёрнула руку от груди, устыдившись своей реакции. Женевьева же сделал вид, что ничего не заметила, вся поглощённая созерцанием крыши соседнего здания.

– Понятно, ну что же, Бог Дегтярёву в помощь!

– На Бога надейся, а сам не плошай! – тут же выдала старинную пословицу Марфа, – да ему и надеяться больше не на кого, кроме как на Бога, да на себя, он же наполовину сирота. Ума не приложу, как он смог дать отпор этой троице. А может, его в последнюю минуту кладовщик спас, бают, что пальто форменное, которое Дегтярёв у него как раз получил и шёл обратно, всё в дырках от молний было. Крепко его приложили эти насмешники.

– А с ними что, досталось им от Дегтярёва? – внешне ровным тоном спросила Женевьева, хотя внутри у неё вдруг чаще забилось сердце.

– Нет, не слышала ничего, только, вроде, испугались они, да листьями грязными их осыпало. Чего именно испугались – не знаю, но Дегтярёву повезло, долго он против них не продержался бы.

– Ясно, – Женевьева холодно улыбнулась, – всё ясно. Спасибо, Марфа, если что новое узнаешь, то скажи, чтобы я в курсе была всех событий, которые в академии происходят.

– Ой, да что там! – всплеснула руками Марфа, – всё уже ясно и понятно, не отобьётся Дегтярёв, отчислят его, только чудо и поможет. Кому он нужен такой.

– Гм, уверена?

– Ну, не знаю, может, ему и повезёт, ректор не станет идти на поводу у троицы и оставит его, может, переведут в другую академию. Договорятся с ними и переведут, или в институт какой помогут перевестись. Декан у них хороший мужчина, поможет обязательно. Да и все понимают, что это несправедливо, ну, а так… один против троих, тут, конечно, ему не повезло. Он ещё их уел в столовой. Они над ним смеяться стали, а он им пирог с бараньими мозгами прислал, я, когда узнала, хохотала два часа кряду.

Женевьева улыбнулась, но как-то грустно, и перевела разговор на другую тему, о чём-то напряжённо размышляя. Ей также, как и Марфе, стало всё понятно относительно судьбы Фёдора Дегтярёва. Если уж та открыто говорит, что Фёдора отчислят, то, скорее всего, так оно и есть, хотя, возможно, Марфа и преувеличивает. Но, как говорит её папенька: «В жизни каждая мелочь бывает важнее чего-то большого, ибо из мелочей состоит вся жизнь, как огромное здание строится из маленьких кирпичей, так и жизнь, и дело складывается из разных мелочных решений и поступков». И ей бы очень не хотелось, чтобы Фёдора отчислили. Так оказаться не должно.

– А ещё я слышала, что с нами вместе поступал некий фон Биттенбиндер, и ему что-то вручили за спасение людей. Ты слышала об этом? – растерянно спросила Женевьева у подруги.

– Да, слышала! – и Марфа с жаром принялась рассказывать, как фон Биттенбиндеру вручили медаль «За спасение погибавших». Всё это сделали в рамках факультета железнодорожного и водного транспорта, в присутствии декана и ректора.

– Представляешь! Сам ректор пожал ему руку! Вот же, молодец!

– А Дегтярёву ничего?

– Нет, а при чём тут Дегтярёв?

– Они вместе спасали.

– А ты откуда знаешь, Женевьева?

– Слышала.

– От кого?

Женевьева смерила холодным взглядом Марфу, отчего та сразу осеклась и прекратила задавать лишние вопросы, поняв, что может нарваться на неприятности. Неприятностей она не хотела и, боясь потерять дружбу с графиней, замолчала и принялась нести всякую чепуху, тут же переведя разговор на менее острую тему.

Придя домой с занятий, Женевьева угрюмо посмотрела на себя в зеркало и в самом мрачном расположении духа отправилась обедать. Кухарка как раз всё приготовила, но есть графине совершенно не хотелось. Съев половину тарелки супа и выпив чаю с пирожным, она поблагодарила кухарку и ушла к себе в комнату.

– Нужно сказать отцу, иначе ничего не получится, – сказала она сама себе вслух.

Женевьева прекрасно знала, что просить отца глупо, он не станет помогать неизвестному ему юнцу просто так. Да, он может огорчиться, узнав, что награда не нашла героя и удивиться порядкам, царившим в академии, но это не его вотчина и ему всё равно, что и как там происходит, если это не касается напрямую его дочери. А её это как раз касалось, но так, что она не могла в этом признаться даже самой себе.

Значит, ей нужно построить разговор так, чтобы отца это задело, но каким образом?! К тому же, для этого надо съездить домой. Хотя, если заседание назначено на следующую субботу, то она может приехать в этот выходной и поговорить с отцом на ужине, а вернуться

обратно в понедельник. Эфирный экспресс идет в Павлоград рано утром и доезжает за полтора часа, она успеет на занятия, а если и опоздает, то ничего страшного не произойдёт.

Главное – так построить разговор, чтобы отец сам заинтересовался, значит, надо будет думать, думать и думать. Но ничего, она умная и придумает. Решив всё для себя, она подошла к телефону, что висел на стене и, сняв с него трубку, попросила соединить её с городским телеграфом. Продиктовав дежурному телеграфисту телеграмму родителям, она занялась своими обычными делами. Телеграмму отправят в счёт кредита, который оплатит её служанка завтра, так что об этом тоже не стоит беспокоиться.

Как она и планировала, домой она приехала почти в шесть вечера. С вокзала её забрал брат на своей машине и отвёз в семейный особняк. Кстати, приехать она собиралась всё равно, только чуть позже, но раз такое дело, то она скорректировала свой визит, оправдывая себя тем, что делает это исключительно из чувства справедливости, а не ради там решения судьбы какого-то чужого зеленоглазого мальчишки.

Вечер она провела в кругу семьи, болтая с матерью и братом. Отец отсутствовал и вернулся только поздно вечером, с ним она встретилась за завтраком, когда вся их семья уселась за один большой стол.

– Как дела у тебя в академии, Женя? – спросил её отец.

– Учусь, папенька, у меня всё хорошо.

– Замечательно, а как вообще дела в академии?

К этому вопросу Женевьева готовилась особо тщательно, благо у неё имелось время на размышления, как по пути домой, так и перед сном, ну и утро тоже дало время.

– Всё хорошо, только драки бывают, – и Женевьева запила свои слова ароматным свежесваренным кофе.

Отец кивнул, погружённый в свои мысли, но видимо они пока не смогли полностью овладеть его разумом в присутствии дочери.

– Драки?! Ты сказала драки?

– Да папенька, дерутся студенты, второй курс бьёт первый, а так всё хорошо.

– Гм, Женевьева, ты видела сама эти драки?

– Сама?! Нет, конечно, папенька, но об этом говорит вся академия.

– Ещё бы! Ты сказала, что второкурсники бьют вчерашних гимназистов?

– Да, папенька.

– Гм, второкурсники бьют первокурсников! Куда катится этот мир!

Граф Васильев немного помолчал, съев ломтик белой булки с изюмом с намазанным на него маслом и кусочком сыра.

– И в чём суть конфликта? – спросил он после того, как тщательно и неторопливо прожевал еду, – и какие меры принимают преподаватели академии, в связи с этим?

Женевьева состряпала самую невозмутимую и в высшей степени равнодушную рожицу, какую смогла, и ответила ехидным тоном.

– Собираются отчислить первокурсника на которого напали трое второкурсников, чтобы немножко подшутить над ним. Надо сказать, что их шутка удалась.

– Гм, – отец отхлебнул кофе и переглянулся с супругой.

– И как же они подшутили над ним? – спросила теперь уже графиня у дочери.

– Они прожгли ему новое форменное пальто молниями дара. Он как раз только его получил бесплатно на складе и шёл с ним в общежитие, когда они решили немного позабавиться с ним.

На этот раз пауза длилась намного дольше. Губернатору и графу Васильеву было в высшей степени наплевать на неизвестного ему первокурсника, но ему было не наплевать на то, что происходило в обществе. А подобного рода тенденции, как правило, ничем хорошим не заканчивались, а уж тем более, в одной из самых престижных академий.

– Они хотели его опрокинуть в грязь, чтобы он обязательно упал лицом. Дальше что-то пошло не так, и он их осыпал в ответ листьями и чем-то напугал, из-за чего они ударили в него разрядом электричества, который создал один из них. Не достигнув цели, ударили первокурсника снова, уже с усилением от другого студента, и прожгли ему пальто, – продолжила Женевьева, воспользовавшись затянувшейся паузой.

– Откуда ты знаешь такие подробности, Женя? – удивилась мать.

Женевьева не стала рассказывать про то, как с помощью Марфы и за собственные деньги разузнала все подробности случившегося, а пожав плечами, просто ответила.

– Так об этом вся академия гудит, ну, по крайней мере, весь первый курс. Заседание на следующую субботу назначено.

– А почему ты, дочь, предполагаешь, что первокурсника, на которого напали трое и повредили его имущество, отчислят? – спросил отец.

– Ходят разные слухи.

– С какого времени ты стала верить слухам?

Женевьева пожала плечами.

– Троица хвасталась, что у них всё схвачено, родители подсуетились, да их друзья при должностях, плюс там есть разногласия между деканами факультетов, всё одно к одному, и в одну сторону.

– А кто этот юноша? – спросила мать.

– Сирота, отец погиб на фронте, – пожала плечами Женевьева, любопытство которой дошло до того, что она прочитала копию личного дела Фёдора и теперь знала о нём слишком много, но женщины, а особенно девушки, любопытны, как кошки, и иметь возможность, но не узнать интересную информацию, для них всегда равносильно очень изощрённой пытке.

Граф вновь переглянулся с графиней, и продолжил завтракать, ничего не говоря в ответ. Графиня, отхлебнув кофе, стала о чём-то напряжённо думать, что отразилось на её лице отстранённым взглядом. После пары минут графиня нарушила молчание, спросив.

– Как фамилия этого юноши?

– Фёдор Дегтярёв его зовут.

– Дегтярёв?! Что-то я припоминаю, и где-то слышала эту фамилию.

– Это тот юноша, который показывал рисунок вагона при крушении поезда.

– Что?! – графиня откинулась на спинку своего стула и резким движением отодвинула в сторону чашку. Ей стало не по себе, она прекрасно видела, на что оказался способен этот юноша, и вот, у него опять неприятности, в которых он вряд ли виноват.

– Его должны были наградить, – неожиданно вспомнил граф, – и это обстоятельство является основополагающим при разбирательствах подобного рода. Люди, готовые помогать и спасать других, являются стержнем империи, она на них стоит и ими прирастает, это аксиома государственной деятельности. Его не должны отчислить. Это всё слухи!

Граф явно разозлился, хотя ему опять же не было никакого дела до безвестного юноши.

– Его не наградили, – тихо сказала Женевьева, – его друга Петра фон Биттенбиндера наградили медалью и государственной стипендией, а из-за этой драки Дегтярёву всё отложили.

Граф переглянулся с графиней, которая явно огорчилась, услышав это.

– Это возмутительно, – вспылил граф и швырнул салфетку на стол. – Что у вас там творится, в вашей духовной академии? Человек спас людей, имеет редкий дар, поступил сам в академию, а не проходит и полгода, как его собираются отчислить, и из-за кого? Из-за трёх великовозрастных оболтусов, что решили поиздеваться над более слабым. Это возмутительно, я…

– Успокойся, дорогой, давай об этом поговорим немного позже и наедине. Женевьеве не нужно знать, что не так с высшим учебным заведением, в котором она изволит учиться, – и, уже обращаясь к Женевьеве, произнесла, – а ведь я тебя предупреждала, дочь.

Женевьева равнодушно пожала плечиками, но на мгновение маска слетела с её лица и, бросив на мать неприязненный взгляд, она тут же спрятала его в свою чашку. Впрочем, графиня всё поняла, тут же выпрямилась и сказала.

– Нужно разобраться с этим вопросом, дорогой, а то наградили даже меня, а этот юноша остался один, наедине со своими мыслями о справедливости в государстве.

– Да, я найду время и разберусь, – коротко бросил граф, допил кофе и направился в рабочий кабинет, находившийся на втором этаже.

Остаток дня прошёл более, чем хорошо, а ранним утром понедельника Женевьева уже мчалась в эфирном экспрессе обратно в академию, внутренне ликуя. Да, она смогла сделать то, что хотела! Не отдавая себе отчёт, она радовалась тому, что Дегтярёв продолжит учёбу дальше, если не совсем, конечно, дурак. Она прекрасно знала отца, на него нельзя давить напрямую, а вот иносказательно, подкидывая неприглядные факты, можно достичь гораздо большего успеха, чем высказывая просьбы открыто. И да, он сделает всё, раз решил это для себя. Сидя в купе, Женевьева улыбалась сама себе, потом вспомнила разговор, состоявшийся с матерью поздно вечером, уже практически перед сном.

– Женя, пойдём, ты мне помузицируешь, а то, учась, ты, наверное, подзабыла и ноты, и игру на фортепиано.

– Нет, я всё помню, может, не надо, маман, а? – очень жалобно протянула дочь, пытаясь избежать непредсказуемого разговора, но не тут-то было. Мать обмануть возможно только тогда, когда она сама этого хотела.

– А вот мы и проверим, – улыбнувшись лёгкой приятной улыбкой, ответила мать.

– Хорошо, – вздохнула Женевьева и направилась в комнату для музицирования.

– Садись, – кивнула маман на стул возле пианино, – сыграй мне что-нибудь из Вагнера, например увертюру к опере Тангейзер.

– Ну, маман, это очень сложно!

– Я же говорила, что ты подзабыла, – испытующе глядя на дочь, сказала графиня.

– Нет, но, маман, я же не могу опозориться перед тобою.

– Гм, не можешь, хоть и отчаянно стараешься, признайся, что твоя голова забита не только учёбой и мыслями о семье, а ещё чем-то другим?

– Чем это? – сразу насторожилась Женевьева.

– Например, делами, что происходят у вас на курсе. Признайся, тебе жалко мальчика?

Женевьева хотела сразу выдать ответ, но промедлила, ибо неспроста мать её спрашивает, а природная осторожность не дала сразу сказать – нет.

– Давай, я тебе свадебный хор Вагнера сыграю.

– Не увиливай от ответа, дочь.

– Я считаю, что это несправедливо и, как сказал папенька – возмутительно.

Графиня склонила голову набок, с немым удивлением рассматривая собственную дочь.

– Вот как? Что же, ты на правильном пути, значит, этого Дегтярёва тебе не жалко, а саму историю ты рассказала просто для того, чтобы развлечь родителей?

– Нет.

– Что нет?

– Нет, не жалко.

– О, так ты, оказывается, бездушная?!

– Дегтярёв не выглядит жалким и поэтому мне его не жалко, он достоин уважения, и я рассказала об этом случае из уважения к нему.

– Ммм, а ты растёшь, дочь. Спасибо, что умеешь говорить то, что считаешь нужным, и в нужных дозах. Это радует меня, как мать, и как аристократку. Сыграй, что хочешь.

Женевьева кивнула и, усевшись за фортепиано, стала наигрывать разные мелодии, знакомые ей с детства, полностью отдавшись музицированию, и когда закончила, её душа оказалась где-то далеко в вышине, там, где всегда царит любовь и верность.

– Он нравится тебе? – прозвучал неожиданный, как выстрел из-за угла, вопрос матери.

– Кто? – очнувшись, спросила девушка.

– Этот юноша.

– Нет.

– Хорошо, иди, отдыхай.

Она тогда ушла почти сразу, поцеловав на прощание мать. Женевьева не кривила душой, никаких чувств она не испытывала к этому юноше, по крайней мере, она так считала. Просто решила взять его под свой контроль и помочь ему. Может она себе это позволить? Конечно же, да.

Пусть это окажется её капризом, должна же она стать для кого-то феей и ангелом-хранителем, ведь это так романтично и так таинственно, и вообще, жутко интересно. Она вспомнила юношу, и его образ возник перед её внутренним взором. Его глаза так таинственно мерцали в ту ночь, когда он держал картину прямо перед собой. Ночь, крики раненых людей, разбитый вагон, горящий невдалеке паровоз. Эта картина прочно отложилась у неё в голове, а он не боялся.

Хороший мальчик, но… Женевьева уткнулась взглядом в окно, за которым проносились с огромной скоростью леса, поля, пристанционные постройки и жилые здания близлежащих к железной дороге посёлков. Она старалась не думать об отношениях с этим юношей, ведь они обречены на неуспех. Да и вообще, если он считает себя рыцарем, то должен добиваться её.

Нет, для этого не нужно ползать перед ней на коленях, лебезить или заглядывать в глаза, он просто должен добиваться успехов в жизни, идти всё время вперёд, выслужить или получить иным образом дворянское звание и титул. Он должен иметь ИМЯ, о нём должны говорить с уважением, и тогда, быть может, у него и появится шанс получить себе награду.

В жизни всегда есть шанс подняться над собой и жениться по любви. Она точно знала, что нравится ему, но и выйти замуж за простого юношу, пусть и из хорошей семьи и правильно воспитанного, она не могла. А вот помочь ему стать тем, кто сможет достичь высот и сделать карьеру, она могла и постарается этим заниматься настолько, насколько это будет зависеть от неё.

Хотя, как помочь…, она поможет направиться ему в нужную сторону, туда, где можно всего добиться, по её мнению, а дальше всё зависит от него, если он сам того захочет, и это станет целиком его выбор.

А чтобы Дегтярёв не забыл про неё, она всегда будет где-то рядом, далеко, иногда даже очень далеко, но обязательно рядом, ненавязчиво напоминая ему, что она есть и нужна ему. А дальше, дальше, как Бог даст, и, как любил повторять её дядя: «Кому война, а кому мать родна». А война не за горами, война приносит много горя, но если её не избежать, то пусть она принесёт и капельку счастья, ведь во время войны очень легко стать дворянином и героем. А героям многое по плечу.

«А если он погибнет?» – проснулся у неё страх, ведь на войне убивают тысячи людей?! «Нет, он не умрёт!» – убедила она себя и, успокоившись, переключилась на воспоминания о посещении магазина с готовыми платьями, привезёнными из столиц Европы. Помнится, то розовое платье с белыми рюшами, было просто прелестным.

Глава 3. Развязка

– Я возражаю, – сказал неприметный человек, сидевший с самого краю стола, за которым расположились уважаемые люди инженерно-духовной академии.

Заместитель ректора поднял голову, несколько секунд пристально смотрел на него, а потом, неожиданно для всех, вновь уткнулся в свои бумаги. Остальные члены высокой комиссии недоумённо переглянулись: данный человек им был неизвестен, он пришёл вместе с Новицким, представившись Олегом Викентьевичем Лесным-Веденеевым.

Вроде как он представитель надзорной организации, о которой всех забыли уведомить, а специально уточнять никто не удосужился. На то ни времени, ни желания ни у кого не оказалось, да и зачем? Раз председатель комиссии его привёл, значит, с пользой дела, а не во вред.

Все смотрели на заместителя ректора Новицкого, но тот продолжал сидеть молча, как будто и не слышал этого человека. Пауза затянулась, из-за чего многие начали нервничать, особенно Фармазон, который вскоре не выдержал и задал вопрос.

– Насчёт чего вы возражаете, господин эээ…

– Статский советник Лесной-Веденеев.

– Да, – уже немного растерянно произнес Фармазон.

– Против рассмотрения в первую очередь студента факультета водного и железнодорожного транспорта Фёдора Дегтярёва.

– А, ну если вам так будет угодно, то я лично не возражаю, чтобы начать голосовать по трём другим студентам, – быстро согласился Фармазон.

– Ну и прекрасно! Клементий Варламович, давайте начнём с нападавших?!

Новицкий оторвал взгляд от бумаг, коротко взглянул на статского советника и кивнул.

– Как скажете, Олег Викентьевич. Господа, давайте рассмотрим вопрос по трём студентам электротехнического факультета. Кто считает, что они виновны?

Заслышав эти слова, троица напавших на Дегтярёва студентов беспокойно заёрзала седалищами по стульям. Даже вечно спокойный Густав Седерблом проявил признаки беспокойства, сидя в тревожном ожидании исхода дела.

Члены комиссии стали вопросительно переглядываться между собой, не торопясь вытягивать руки. Всего на заседании присутствовало десять человек, включая заместителя ректора и приглашённого статского советника. Сам статский советник и заместитель ректора также не спешили поднимать руки, явно выжидая, и если Новицкий хранил невозмутимое выражение на лице, то Лесного-Веденеева эта ситуация откровенно забавляла, и он с явным ехидством оглядывал голосующих. Но долго подобная пауза затягиваться не могла, и вот вверх поднялись только две руки.

– М-да, – произнес статский советник и тоже поднял руку, синхронно с ним поднял её и заместитель ректора. Это заметили все присутствующие, и вверх поползла ещё одна рука, остальные же хранили нейтралитет.

– Итак, пять человек считают, что виновны. Теперь голосуем, кто считает, что они не виновны.

Вверх тут же взвились четыре руки, а последний из неголосовавших растерянно смотрел на других, не решаясь проголосовать против, но после недолгих колебаний и красноречивых взглядов Фармазона всё же решился нарушить нейтралитет и поднял руку.

– Так, и половина присутствующих считает, что они невиновны. Ну, что же, паритет – дело хорошее и говорит о том, что административные меры применять к этим троим нецелесообразно, обойдёмся дисциплинарными. Так, Олег Викентьевич? – Новицкий вопросительно посмотрел на гостя.

– Это ваша вотчина, Клементий Варламович, вам и решать, – произнес статский советник.

– Хорошо, тогда голосуем по судьбе Дегтярёва. Кто считает, что он…

– … не виновен, – вдруг прервал его Лесной-Веденеев.

– Ну, пусть будет так, – пожал плечами заместитель ректора и повторил свой вопрос. – Кто считает, что студент Фёдор Дегтярёв НЕВИНОВЕН?

Вверх уже более смело поднялось вновь пять рук, в том числе и рука Новицкого и статс секретаря, но несмотря на это, больше ни одного голоса за Дегтярёва не набралось.

– Очень интересный расклад у вас, Клементий Варламович, очень интересный, – сказал, вставая Лесной-Веденеев. – Ну, что же, пока я считаю голосование не окончательным и даю всем время подумать. Господин Дегтярёв, подойдите, пожалуйста, к кафедре, – обратился он уже ко мне.

В это время я сидел за партой, низко опустив голову и стараясь держать себя в руках. Уже давно мне стало ясно, что ничего хорошего от итогов этого заседания ждать не придётся, жутко хотелось уйти, но идти всё равно некуда, да и незачем, ещё десять-двадцать минут этого позора, и я смогу идти на все четыре стороны. Погружённый в свои невеселые мысли, я уже ничего не слышал. И вдруг ко мне обратились.

– А? – не понял я.

– Подойдите к кафедре, – гаркнул уже Новицкий.

Я встал и на деревянных ногах зашагал к кафедре.

– Повернитесь лицом к аудитории.

Я повернулся. В это время статский советник зашёл за кафедру и, раскрыв папку, принялся зачитывать текст, который, как я предполагал, станет мне приговором, но после второго предложения я понял, что это не так.

– Быстро разобравшись в причинах и следствиях, Фёдор Дегтярёв, с помощью своего дара принял меры к спасению людей, тем самым предотвратив их гибель. От лица его императорского высочества, в качестве поощрения и признания заслуг перед империей и её народом, студенту первого курса факультета водного и железнодорожного транспорта Фёдору Дегтярёву назначена государственная стипендия в размере тридцати злотых ежемесячно, до сдачи первой сессии, а по итогам сдачи сессии, если его успеваемость не будет выше среднего бала в три целых и пять десятых, она останется неизменной. В случае сдачи сессии на оценки не ниже хорошо, она увеличится до сорока, а в случае сдачи на отлично – до пятидесяти злотых в месяц. Министр образования Склавской империи, подпись и печать. Министр внутренних дел, подпись и печать. Утверждаю, канцелярия его Императорского величества, начальник канцелярии, подпись и печать.

Закончив читать, статский советник оглядел всех присутствующих и, закрыв папку, продолжил уже своими словами.

– Благодаря поступку студента Дегтярёва были спасены жизни трёх десятков человек. Награда долго не могла найти своего героя, но всё же нашла, хоть и с опозданием, и, учитывая сегодняшние события, весьма вовремя. Господа, мне непонятна ваша роль в качестве суда присяжных. Вы судите студента, на которого напали и испортили выданную ему государством вещь, как преступника, в то же самое время оправдываете тех, кто это сделал. Да, я знаю, что вещь оказалась украдена, что только усугубляет ситуацию, намекая на заведомую корысть тех, кто это сделал. Я думаю, что нужно обратиться за помощью к полиции и вывести данный конфликт из-под юрисдикции академии. Конечно, это подорвёт авторитет академии и вызовет огласку событий, происходящих за её воротами, но если вы, господа, не желаете работать по-другому, то дело будет передано в производство министерства внутренних дел. Подумайте над моими словами, пока вы окончательно не определились с судьбою студента Дегтярёва. У меня

всё, – и статский советник, словно нехотя, но в то же время весьма цепко оглядел всех, останавливаясь на несколько мгновений на каждом из присутствующих.

Я стоял перед кафедрой, что называется, ни жив, ни мёртв. Мне казалось, что всё это происходит совсем не со мной, а с кем-то другим, с моим двойником, судьбу которого решают вот таким образом. Я почти не понимал, что происходит, зато это прекрасно понимали другие.

– Ставлю повторно на голосование вопрос, – сказал Новицкий, – кто считает, что студент Фёдор Дегтярёв НЕВИНОВЕН?

На этот раз в воздух поднялось семь рук.

– Хорошо. Кто считает, что он виновен?

Вверх поднялась только рука Фармазона, совсем неуверенно, видимо, ему пришлось идти до конца, реализовывая имидж защитника своих студентов, остальные не решились.

– Ясно, семь за против трёх воздержавшихся. Ну, что же, общим голосованием мы утверждаем, что студент Фёдор Дегтярёв невиновен и является пострадавшей стороной, к нему не будут применены никакие дисциплинарные или административные наказания. Вы можете идти, господин Дегтярёв.

Я кивнул и на ватных ногах подошёл к своему месту, забрал вещи и, ни на кого не глядя, направился к выходу. Вслед мне неслись слова Новицкого, касающиеся троицы, что на меня напала.

– А вам, господа, предстоит выплатить стоимость пропавшего пальто, которое, по показаниям кладовщика, было выдано Дегтярёву и уничтожено вами. Куда оно делось – неизвестно, но сам факт его существования, а также выдачи, удостоверяется двумя лицами – вахтёром и кладовщиком, а также накладной. К тому же, так как это заведомая порча казённого имущества, то и сумма выплаты увеличится кратно, а также вам будет назначен штраф за неподобающее поведение в стенах инженерно-духовной академии.

Новицкий перевёл дух и продолжил.

– И насчёт вашей учёбы в академии, должен вам сказать, что вы все…

Дальнейшее осталось для меня в тот момент неизвестным, так как дверь в аудиторию надёжно отгородила меня от всего, что дальше происходило на заседании. Медленно пройдя по коридору, я подошёл к огромному зеркалу и уставился на собственное отражение, пытаясь прийти в себя, ведь только что я пережил очередной этап своей уже по-настоящему взрослой жизни. И дался он мне совсем нелегко.

Из зеркала на меня смотрел немного осунувшийся и одновременно повзрослевший юноша, в форменном мундире инженерно-духовной академии. Синяя форма с алыми лацканами и петлицами подчёркивала принадлежность к людям-носителем дара. Алый цвет – это цвет дара, а синий – цвет мундира студента-инженера.

Я смотрел на себя и видел только усталость в собственных зелёных глазах, лишь они ярко выделялись на осунувшемся бледном лице. Но ничего, все переживания уже позади, меня не отчислили, не наказали и даже поощрили. А уж известие о моём награждении скоро пройдёт слухом по всему курсу, пусть знают, что я умею!

Деньги мне как раз очень нужны, наверное, получится даже к матери не обращаться, а то ей самой тяжело. Все эти мысли промелькнули у меня в голове и тут же ушли. Я устало провёл рукой по лицу, поправил фуражку и побрёл в сторону гардеробной. Пальто я себе, всё же, сшил, помог кладовщик, по доброте душевной дал сукно для него, и весь остаток моих сбережений ушёл на пошив, благо выдали деньги за неиспользованные обеды, ничего, смогу дотянуть до первой сессии, а там есть шанс увеличить стипендию.

Подумать только, тридцать злотых! А ведь её можно увеличить и до сорока, и даже до пятидесяти! Моя матушка получает всего сорок пять злотых, служа в конторе, а тут сын-первокурсник сможет получать больше. Надо направить все силы на учёбу. Я должен, я смогу! Так, мысленно приговаривая про себя, я и шёл дальше.

«Интересно, выгонят ли эту троицу?» – задал я себе вопрос, уже выходя на улицу, и ответил сразу же. «Конечно, нет! Раз они смогли сделать так, что меня почти отчислили за то, что на меня напали, то они точно останутся учиться дальше и, скорее всего, продолжат свои неблаговидные поступки». Но уже следующая моя мысль отмела первую: «Нет, уже не получится, уйдут на дно, но гадостей от них мне всё равно придётся ожидать. И произойдёт это совсем не в академии, а где-нибудь в городе. Ну, да разберусь!» – и, распрямив плечи и гордо подняв голову, я отправился в общежитие, чтобы поделиться сразу двумя радостными новостями. Первой – что я остаюсь учиться дальше, и второй, что меня наградили, так же, как и Петра.

***

В понедельник Женевьева, внутренне сгорая от нетерпения, а внешне абсолютно спокойная, разговаривала с Марфой и второй девицей из мелкопоместных дворян, которую звали Дарья Черкасова.

– О, Женевьева! – радостно встретила подругу Дарья, опередив в своей щенячьей радости Марфу, что не успела изъявить почтение светлейшей особе первой. Марфа крайне этого хотела, но пришлось уступить столбовой дворянке. – Как ты провела выходные? – продолжила Дарья.

– Ездила домой, в Великий Новгород.

– Да, а как ты смогла быстро так обернуться?

– Я ехала на эфирном экспрессе.

– Ммм, – чуть скривила от зависти рожицу Дарья, но мгновенно, проглотив «лимон», продолжила. – Ой, наверное, очень интересно было?!

– Да не особо, за окном всё так быстро мелькает, скорость просто огромная, я и не успела толком ничего разглядеть. Приехала буквально только что, и с вокзала сразу в академию поспешила на авто, как говорят моряки, прямо с корабля на бал.

– Хи-хи-хи, – засмеялись обе девицы, демонстрируя, как им понравилась шуточка графини. Искренности в их смехе едва ли половина имелась, но зато сколько старания.

– Ну, а как у вас здесь дела, что нового происходит? Чем занимались в выходные, как отдыхали?

– Да мы по Павлограду бродили с Марфой, гуляли по набережной, и вообще, чудно провели время, да Марфа?

– Да, – торопливо подтвердила та и сразу же перешла к самой главной новости. – А в субботу судилище прошло над Дегтярёвым и его врагами, всех осудили и всем воздали по заслугам.

– Да?! – несколько удивлённо ответила Женевьева, – а я почти забыла о том, и чем дело закончилось, всех выгнали или кого-то оставили?

– Нет, никого не выгнали, я уже всё узнала, с самого утра бегала тут, искала и спрашивала.

– А я и не слышала ничего о том, и не интересовалась, – сказала Дарья, за что тут же получила пренебрежительный взгляд от Марфы и равнодушный от Женевьевы.

– Ммм, ну ты не торопись, узнай побольше, потом как-нибудь расскажешь, когда время найдем свободное, а то уже на занятия спешить пора, – оборвала разговор Женевьева.

– Ага, – ответила Марфа, и они заспешили на первую лекцию.

Нужный момент для разговора Марфа смогла найти только уже после окончания занятий, когда девушки зашли в студенческое кафе. Здесь, как и всегда, народу находилось немного, так как дорого, и потому их разговору не помешали. Дарья уже ушла, деньгами она не сильно располагала, предпочитая обедать у себя дома, а не в дорогом кафе, тем более, что её семья жила в Павлограде, в часе пути от самой академии.

– Я всё узнала, ваша светлость, – прошептала Марфа, когда они уселись за отдельный столик в глубине заведения.

Конечно, Женевьеве не подобало водить дружбу с купцами, но, во-первых, они учатся в одной группе, и выбор девушек в академии совершенно не велик, а во-вторых, общаться – это не значит ставить себя на одну ступень с кем-то ниже по положению в обществе. Да и вообще, время сейчас наступает такое, что не стоит отгораживаться.

– Рассказывай, – просто ответила Женевьева и, отстранив от кружки изящный пальчик, отхлебнула ароматного китайского чая.

– Дегтярёва оправдали и оставили учиться в академии, а Блазовского и других не стали отчислять, хотя и наказали деньгами, но и виновными не признали, так, пожурили, сказав, что, мол, всё вышло по молодости и тому подобное. А ещё Дегтярёву дали стипендию, потому как он при крушении поезда людей спас. А я и не знала, представляешь!

– Догадываюсь, – сначала слегка поморщилась Женевьева и неожиданно улыбнулась. Марфа подумала, что улыбнулась она ей, но ошиблась, Женевьева улыбалась себе.

Всё же, у неё получилось! Спасибо отцу! Наверное, не всё так просто в академии и интересы разных людей и групп поневоле столкнулись, казалось бы, в такой простой ситуации, но если Марфа не врёт, а это вряд ли, то этой троице кто-то покровительствовал, и сделать виновным Дегтярёва было делом принципа, который на этот раз дал сбой. Ну, что же, для отца, скорее всего, это тоже стало делом принципа, да и практического интереса.

– А где ты обедаешь, Марфа?

– Обычно в столовой, там хорошо кормят, а то до дома дороже выйдет добираться, но это когда занятия сильно затягиваются, или после обеда ещё заниматься приходится.

– Да, как раз завтра такой день выдаётся.

– Да, а ты что, хочешь в столовку сходить? – Марфа удивленно подняла брови.

– А почему нет, разве я не студентка? – возразила Женевьева.

– Гм, конечно, студентка, но твоё положение?

– Моя сословная принадлежность совершенно не означает запрет на приём пищи в студенческих столовых, в конце концов, я должна знать, что едят обычные студенты. Да и не только мещане туда ходят.

– Это да, там и благородных полно.

– Ну, вот и отведешь завтра меня туда.

– Хорошо! – в полном восторге воскликнула Марфа.

На следующий день в перерыве девушки втроём посетили столовую.

– Я оплачиваю обед за всех, а вы обеспечиваете мою неприкосновенность со всех сторон, понятно тебе, Марфа, и тебе, Дарья? – предложила Женевьева подругам на входе, сощурив глаза.

– Понятно, – подтвердили девицы.

– Всё понятно, – тут же перехватила разговор Марфа, – я иду первой, вы за мной, после Дарья, и ни один наглец не подойдёт ближе, чем на два метра.

Женевьева кивнула. Хоть и трудно постоянно держать маску, но приходится соответствовать, иначе, какая она тогда аристократка? Договорившись, девушки зашли в помещение следом за студентами железнодорожного факультета.

Практически все ребята с этого факультета обедали в столовой, и проследить передвижения Дегтярёва и его друга Петра не составляло никакого труда. Оба оказались бодры и веселы, хотя Дегтярёв выглядел осунувшимся, но зато весёлым.

Появление трёх девиц-студенток произвело среди остальных посетителей настоящий фурор. И если Марфу иногда видели в столовой и почти привыкли, то две другие пока тут не появлялись, поэтому поневоле привлекли к себе пристальное внимание, как персонала, так и студентов. Девицы степенно продефилировали к пустому столику и, разместившись за ним, сделали заказ и стали выжидательно оглядывать зал.

Увидев Женевьеву, я чуть не поперхнулся, заглатывая свой суп, полученный по талону, да и было от чего. Пётр, увидев её же, тоже чуть не подавился, но уже не супом, а картошкой с мясом. С нами за столик увязался и Антип Морозов, которого мы прозвали Фунтом, так как он всё и всегда измерял в фунтах. А Ефим и вовсе редко ходил в столовую, да мы с ним почему-то перестали тесно общаться.

– Во дела! – выразил общее мнение за всех Морозов, – графиня пожаловала.

Все три девушки, одетые в синие шерстяные жакеты и юбки-брюки в цветах академии, производили весьма приятное впечатление, а если смотреть на них сзади, то вообще, выше всяких похвал, а если они бы ещё и…

«Стоп! – сказал я собственным фривольным мыслям, – не нужно ничего фантазировать про весьма симпатичных и воспитанных барышень». Додумав эту мысль, я проглотил суп и уткнулся взглядом в собственную тарелку, чтобы не замечать ни девушек, ни обед по бесплатному талону. Стыдно быть бедным, а в присутствии дам – ещё сильнее, но бедность – не порок, справлюсь, и, состряпав самое невозмутимое лицо, я продолжать вкушать принесенные блюда.

Пётр, а особенно Антип, наоборот, во все глаза смотрели на девушек, хоть они и не обращали на нас никакого внимания.

– А та, что полненькая – это Марфа, она из купцов второй гильдии, я слышал о её семье, вот бы жениться на ней?! – мечтательно произнес Антип.

Пётр на эти слова только хмыкнул и отвёл взгляд, в свою очередь, заметив.

– Да, а третью зовут Дарья, она из дворян, и тоже неплохая девушка.

– Худовата, – резюмировал Морозов.

– А твоя толстая!

Я второй раз чуть не подавился супом и окинул удивлённым взглядом обоих.

– Ну, вы, товарищи, даёте. Они вас знать не знают, и ведать не ведают, а вы уже планы строите…

– Не всем же о графинях грезить! – отшил меня Пётр, хотя, кто бы говорил…

Я хотел было ответить, но в последний момент передумал. Проще пропустить эту шпильку мимо ушей и забыть, чем вступать в бесполезную перепалку с другом, да и привлекать к себе лишний раз внимание я не торопился.

Официант подскочил к девушкам и принялся расставлять перед ними тарелки с едой. Под перекрёстными взглядами обедающих студентов, три девицы за окном, а они заняли столик, расположенный у окна в конце зала, приступили к трапезе. Не знаю, что чувствовала Женевьева, держащаяся холодно и невозмутимо, а две другие девицы то смущённо хихикали, то стреляли глазками туда-сюда, то тихо шептались в перерывах между едой.

Впрочем, откровенно и долго пялиться на них для любого студента казалось неуместным, и постепенно ажиотаж, вызванный их появлением, поугас, и все занялись тем, чем, собственно, до этого и занимались. Зал вновь заполнил равномерный гул тихих голосов и звяканье ложек о глиняную или керамическую посуду.

Наш столик располагался ближе к выходу, и ели мы не спеша, так как заказали много. По случаю обещанной стипендии, а мне её выплатили на следующий же день, так как официально назначили ещё с месяц назад и уже успели провести по документам, я докупил себе еды дополнительно к выданной бесплатно, и теперь с удовольствием её поглощал.

А тем временем все три барышни, съев свой лёгкий обед, степенно поднялись и двинулись к выходу. На этот раз впереди оказалась молодая графиня, шла она неспеша, и почему-то решила пройти мимо нас. Я уже почти закончил есть, как и мои спутники, и ждал официанта, чтобы расплатиться.

Поневоле повернув голову в сторону неторопливо идущей Женевьевы, я неожиданно наткнулся на её взгляд и, заглянув в прекрасные глаза, заметил там всплески смешливых иско-

рок. В этот момент она, сжимая платок, которым протирала руку, вдруг нечаянного его уронила и остановилась, немного не дойдя до нашего столика.

– Ой! – вскрикнула она и с видимой беспомощностью оглянулась кругом, мгновенно став центром внимания. Сразу несколько человек подскочили со своих мест, чтобы помочь ей, но не смогли сразу поднять платок, так как им пришлось бы отодвинуть графиню.

Мы с Петром тоже вскочили практически мгновенно и остановились в нерешительности. Не знаю, как получилось, но Женевьева одним взглядом дала понять, кому разрешено взять платок. Быстро нагнувшись, я подхватил его с пола и подал ей.

– Рада, что всё завершилось благополучно, – сказала Женевьева и, забрав платок, сразу же двинулась на выход.

Её слова, сказанные очень тихо, слышал только я, возможно и Пётр, но всё произошло так быстро, что я и опомниться не успел, как она уже скрылась за дверями. Вернувшись за стол, мы расплатились с подошедшим официантом и, не задерживаясь, вышли из столовой.

– Вот это номер, – только и сказал Пётр, с каким-то особым интересом оглядывая меня. Я же промолчал, а Антип Морозов и вовсе ничего не понял, лишь пожал плечами.

– А это знак, – резюмировал Пётр.

– Какой? – нехотя спросил я.

– Ну, – неопределённо покрутил он пальцами правой руки в воздухе, – знак судьбы.

На что я только вздохнул и постарался отвлечься от мыслей о Женевьеве, но получилось не ахти. Вот и ещё один посыл, ради чего нужно грызть гранит науки, усиленно, всеми зубами и двадцать четыре часа в сутки. И погрызу, есть для кого…

Глава 4. Лаборатория

В самых смятенных чувствах я пребывал несколько дней, стараясь не подавать вида. Женевьева показала всего лишь одной фразой и одним действием, что она переживала за меня, и этого оказалось достаточно, чтобы мир заиграл новыми красками, и я ударился в освоение учебных предметов ещё сильнее, чем прежде.

Думать тут нечего, надо становиться первым учеником на курсе или, как минимум, войти в первую пятёрку и добиваться всего самому, а главное – впитывать знания и совершенствовать свой дар. Я старался докопаться до всего, поэтому у меня накопилось много вопросов к профессору Беллинсгаузену, встречи с которым я нетерпеливо ожидал.

Спустя примерно неделю после описываемых событий, меня наконец-то вызвал к себе профессор Беллинсгаузен, чем немало обрадовал.

– Ну-с, молодой человек, как ваши дела? – спросил он, когда я явился в его лабораторию, – готовы к новым свершениям и работе над своим даром?

– Готов! – кратко ответил я.

– Замечательно! Вижу боевой настрой, и это меня несказанно радует. От настроя многое зависит. Как успехи с даром?

– Развиваю. На днях смог с его помощью перенаправить энергию воздушного дара и убрать её в сторону от себя.

– Не сомневался в вас. Теперь нужно проверить несколько аспектов, которые я сам для себя определил по вашему дару, юноша. Вы, думается мне, обижаетесь на профессора, решив, что он забыл о вашем уникальном даре и работает над другими, ведь так?

– Нет, – твёрдо ответил я, не желая обижать профессора. Да и вообще, он решает, что нужнее и важнее, тогда толку обижаться и указывать на это.

– Ага, но я не забыл, просто оказался занят срочными проектами, но о вас помнил. А вообще, я пытался найти ещё особенности в вашем даре, из-за чего пришлось провести дополнительные расчёты и измерения, чтобы уже до конца с ним разобраться, а также разработал новые тесты, что помогут нам. Вам – усилить его продолжительность, действие и силу, а также несколько видоизменить, направив в более практическую сторону, а мне – понять природу дистанционного дара. Если выражаться более точно, понять глубину и особенности именно этого вида. И это, я признаюсь вам, господин студент, оказалось весьма тяжело, весьма.

– Я, догадываюсь, господин профессор.

– Ну, тогда давайте поскорее приступим к исследованиям.

– Профессор, а не могли бы вы подсказать, как мне направить свой дар целиком на практическое освоение защитных техник?

– Именно защитных?

– Да, я чувствую, что мне ещё придётся использовать его для самообороны, и если это возможно, то я был бы очень рад понять, как это сделать.

– Гм, об этой ипостаси вашего дара я, признаться, ещё не думал. А каким образом вы использовали его?

Я понял, что профессор ни сном, ни духом о моей стычке не знает, поэтому рассказал всё в общих чертах о драке, не вдаваясь ни в детали происшедшего, ни в фамилии моих противников.

– Послушайте, а и действительно, очень любопытно. Вы своим рассказом, господин студент, буквально вдохнули новую теорию в мои исследования. А если ваш дар сможет не только проецировать определённую картину, но и создавать из всего, что вы сможете приспособить под него, то вы построите практически идеальную защиту, и не каждый противник её сможет

пробить. Это весьма интересно. Недаром ваш дар является одним из самых необычных и редких.

Я только пожал плечами. Конечно, лестно сознавать, что твой дар исключительный, но падать лицом в грязь по чьей-то прихоти, не имея возможности этому противостоять, мне очень не понравилось.

– Что же, господин студент, я подготовил все приборы, сейчас мы ещё раз произведем измерения в этой лаборатории, а затем перейдём в другую, аппаратура которой позволяет более тонко настраивать и изучать любой человеческий дар. Становитесь вон туда и приступим.

Я подошел к месту, куда указывал профессор, и следовал его указаниям ещё примерно с полчаса, после чего мы перешли в соседнюю лабораторию, которая находилась в самом конце коридора. Её дверь настолько сливалась с цветом коридорных стен, что, побывав здесь несколько раз, я не замечал её.

Войдя в новое помещение, я словно очутился в техническом царстве-продвинутом государстве и одновременно в гостях у сказки. Таких аппаратов я никогда не встречал и нигде не видел. Хотя, где я их мог увидеть, в своём Крестополе, что ли? А в академии я и полгода ещё не проучился, совсем зелёный, глупый и наивный.

Профессор включил рубильник, и помещение залил яркий электрический свет.

– Тэкс, а теперь нужно включить паровой двигатель. К сожалению, исследование не субсидируется правительством, и потому приходится ограничиваться аппаратурой, работающей на энергии пара или электричестве. А электричества она жрёт много, потому необходимо запускать дополнительный двигатель с паровой турбиной. Ты же знаешь, что всё электричество у нас в академии генерируется с помощью паровой турбины, которая находится за нашей лабораторией?

– Слышал, но не видел, – кивнул я, думая про себя, что можно найти аппаратуру, работающую на эфире, а не мучиться с дорогим электричеством.

– Ну, не важно. Теперь нам понадобится много энергии, для запуска аппаратуры в лаборатории, – сказал профессор и подошёл к большому чёрному железному шкафу, открыл небольшую крышку и с явным усилием нажал на какую-то огромную чёрную кнопку, вдавив её до предела. Кнопка металлически щёлкнула и зафиксировалась в новом положении.

– Ну вот, сигнал о включении дополнительной паровой турбины я дал, сейчас пойдёт энергия, но не сразу, и пока мы займёмся другими исследованиями. Становись вот сюда и проецируй свой дар наверх, не прямо перед собой, а над головой.

Я кивнул и вызвал первую пришедшую мне в голову картину. Продержал её около минуты и по команде профессора убрал.

– А вы знаете, господин студент, очень неплохо. Я бы даже сказал, что очень хорошо. Налицо явный прогресс по продолжительности действия вашего дара и его интенсивности. Давайте, господин Дегтярёв, ещё проверимся на других аппаратах, пока парогенератор не вышел на заданную мощность.

Пару десятков минут я выполнял указания профессора, пока окончательно не выдохся.

– Прекрасный результат, а теперь десять минут на чаепитие и восполнение сил, и мы идём проверять вас на более мощных аппаратах. Не побрезгуете чайком с профессором?

– Нет, конечно, но у меня с собой нет ничего к чаю.

– А и не надо, это мой вклад в ваше образование, потом будете вспоминать меня добрым словом и говорить, что если бы не профессор Беллинсгаузен, то не смогли никогда подняться на ту высоту, что хотели для себя. Я вижу в вас большой потенциал, молодой человек, очень большой, его надо раскрыть, а это нелегко.

– Я вам благодарен уже сейчас, господин профессор, и никогда не забуду вашего участия.

– Что же, ловлю вас на слове, молодой человек.

И мы принялись пить чай с вареньем.

– Сахар, молодой человек, лучше всего подходит для восстановления энергии дара, и он же самый вредный продукт для человеческого организма. Но в нашем случае вся его отрицательная энергия преобразуется в положительную, и быстро расходуется, не успев нанести вред. К тому же, в ягодах очень много фруктозы, а не сахара, а её действие посильнее будет. Так что, пейте побольше, вам сегодня предстоит пройти серьёзное испытание. Вы же говорили, что нашли путь к преобразованию?

– Да.

– Так вот, а я проведу небольшой тест, и в случае положительного результата направлю вас на полигон, где вы подвергнетесь более масштабным испытаниям и, признаться, гораздо более жёстким, но для этого нужно подготовиться и знать, что вам предстоит.

– Я понял, профессор, и постараюсь подготовиться.

– Хорошо, пройдёте вводный тест, тогда и посмотрим, а пока рано о том говорить, не каждый его проходит полностью или как нужно. А пока пейте чай и не жалейте варенья.

Признаться, я насторожился, услышав многообещающее упоминание о неизвестном мне доселе полигоне, но вероятность туда попасть крайне мала, и откинув ненужные мысли, я подналёг на варенье, практически в одиночку опустошив всю банку граммов на триста.

– Вот и хорошо. Запас энергии вы получили, господин Дегтярёв. К тому же, судя по показаниям приборов, генератор вышел на нужную мощность, можно приступать. Кстати, очень красивая девушка.

– Какая? – не понял я.

– Та, чей образ вы вызвали сегодня при осмотре своего дара.

– Это случайно вышло, – смущённо пробормотал я, отведя взгляд.

– Понимаю, понимаю. Дело молодое, контроль слабый, но у вас хороший вкус, главное, теперь не отчаиваться.

– Да я и не думал даже.

– Понимаю, но лучше стремиться, чем уйти в сторону. Дорогу осилит идущий, и каждый выбирает свою гору для покорения. Но это я отвлёкся по-стариковски, вспомнилась собственная молодость, решил дать никому не нужный совет. Не обращайте на мои слова внимания. Готовы продолжить?

– Да, – твёрдо ответил я.

– Тогда приступаем.

Профессор встал и, подойдя к огромному пульту, сделанному из железа и дерева, стал переключать на нём многочисленные тумблеры.

– А вы знаете, что такое пневмоника, господин Дегтярёв?

– Нет.

– О, за ней будущее. Вот этот пульт присоединён к вычислительной механической машине. Есть уже новые наработки, которые используют в механических вычислителях, есть опытные образцы, использующие эффект Коанда, создающие генератор импульсов и логические элементы. А на их основе мы можем, используя всего лишь струю воды, пар или эфир, создавать вычислительную логику, заменяя ею мозговой штурм учёного и вычисления вручную! Это прорыв! Я даже не могу предположить, насколько возможно в будущем обеспечить развитие науки в данном направлении! Но, вижу вам не очень это интересно, не так ли, Фёдор?

– Очень интересно, но непонятно, – честно ответил я.

– Да, вернёмся к этому разговору при нашей следующей встрече, а пока, – и тут профессор прокрутил неизвестный рычаг, в результате чего, пыхнув паром, заработала какая-то машина. В конце комнаты, расходясь в разные стороны, стали открываться створки огромного прямоугольного люка, и показался вход в огромный подвал.

– Вот это да! – не сдержал я удивлённого возгласа, – это мне туда, что ли, спускаться?

– Да, не боитесь?

– Боюсь, – честно признался я, – как-то непривычно, словно в подземелье какое-то погружаешься.

– А это и есть подземелье, довольно большое, с усиленной защитой. Вот поэтому я вас и предупреждал, что не так просто пройти тест, придётся постараться, но зато вы сможете в экстремальных для себя условиях проявить дополнительные способности своего дара. Испытания на полигоне могут оказаться ещё хуже и жёстче. Я проходил их в своё время, кажется, там имелись даже смертельные случаи: у кого-то остановилось сердце от страха, а кто-то не рассчитал свою силу и обратил её против себя. Сейчас эксцессы невозможны, всё произойдёт в щадящем режиме, но вы всё равно должны держаться настороже.

– Гм, – я несколько опешил от подобного поворота событий, но отступать уже оказалось поздно. – Понял.

– Хочу добавить: подземелье насыщено эфиром, это поможет вам создавать любые конструкции, в возможностях вашего дара, а также преодолевать препятствия, сформированные установленной в нём аппаратурой, которой буду управлять я, с этого места.

– Я готов.

– Раз готовы, тогда спускайтесь. Свет там присутствует, пусть и не очень яркий, но достаточный. Ваша задача – дойти до конца подземелья, найти постамент и нажать расположенную на нём кнопку. Она такая же, как эта, – профессор тронул один из рычагов на своём пульте, – после чего можно вернуться обратно. Всё понятно?

– Да.

– Готов?

– Готов! – кивнул я.

– Тогда вперёд.

Я шагнул в сторону люка и, увидев ступени, начал спускаться по ним, быстро их преодолев. Встав обеими ногами на пол подземелья, оглянулся. Люк за мной не закрылся, как я того опасался. Уже легче. Передо мной простирался длинный коридор, что изгибался и резко уходил влево и, судя по всему, дальше извивался как кишка, ведя куда-то вперёд. Пожав плечами и, немного напрягшись, я сделал шаг по коридору, потом ещё, и наконец, двинулся вперёд, не оглядываясь.

Зайдя за поворот, я попал в расширение, что заканчивалось небольшим круглым залом, из которого виднелось продолжение коридора, по которому я шёл. Не успел я оказаться в нем, как в центре коридора возникла стена, начавшая быстро перегораживать весь проход. Я видел, как она формировалась, буквально из песка, что устилал всё помещение.

Мне нужно идти вперёд. Долго думать не позволил адреналин, что уже стал поступать в кровь, отчего меня начал бить мандраж, а голова заработала в ускоренном темпе. Я постепенно начал понимать основные свойства своего дара, да и лекции слушал, а не спал на них. Нужно найти способ преодолеть стену, пока не поздно.

Главные ипостаси для начала работы моего дара – это цель, доступные средства, необходимые параметры решения проблемы, понимание самого процесса создания того, что поможет мне достичь поставленной цели.

Итак, что мы имеем? Цель – пройти вперёд. Препятствие – формирующаяся передо мной стена из песка. Как выбрать метод противодействия, не дать ей окончательно сформироваться и пройти её? Что для этого нужно сделать?

Разрушить её. Чем? Отвечать себе я не стал, а начал оживлять перед собой картину, которая быстро принялась набирать вес и объём. Профессор не обманул, воздух в помещении действительно оказался перенасыщен эфиром, и всё, что я начинал делать, легко трансформировалось и сразу же обретало живость и реальность. Это просто потрясающе!

В воздухе начало появляться бревно, точнее, древнеримский таран из того же песка, отнимая его у стены. Формировал я его гораздо быстрее, чем возводилась сама стена, у которой я и забирал часть материала. Как только бревно оказалось готово, я обрушил его на стену.

Таран оказался хлипким, и я с трудом мог его удерживать в твёрдом состоянии, тем не менее, удар оказался страшен для стены, и половина её полотна сразу обрушилась на пол, вместе с остатками бревна. Не теряя времени, я быстро прошёл этот участок и остановился уже у конца комнаты, невольно оглянувшись назад.

Остаток стены замер на несколько мгновений, и одним движением резко рухнул вниз, подняв тучу пыли. Я чихнул и, отвернувшись, двинулся дальше. Первое задание я не провалил, и начал всё больше понимать свой дар. Странно, почему я его всё время считал проекционным, когда он, наоборот, больше практический? И тогда, в драке с этими бастардами, я победил, использовав воздушный щит, точнее, грязевой, перенаправив поток воздуха от Густава на листья, что валялись вокруг.

Там как-то всё само получилось, я и не ожидал такого эффекта, и вот сейчас удалось повторить тот случай. Впрочем, я не собирался стоять на месте и двинулся дальше. Коридор из комнаты круто заворачивал вправо, и я направился по нему, увидев впереди сужение.

Сам коридор скудно освещался одинаковыми мелкими лампочками, свисающими с потолка высотой от силы метра два, а скорее всего, меньше. Пройдя буквально пять метров, я упёрся в решётку, что перегораживала проход. Решётка на вид и ощупь казалась железной, на ней висел закрытый массивный замок, ключ в котором отсутствовал. Открыть его, по всей видимости, мне предлагалось самостоятельно. Придётся действовать, вот только как?

Подёргав замок обеими руками, я убедился в том, что он, во-первых, совершенно реальный, а во-вторых, надежно закрыт, и стал искать, чем можно его поддеть. Мне бы сейчас дар Петра, я его вмиг разогнул и спокойно прошёл это препятствие, но, увы, пока у меня ничего не получалось. Нужен ключ, а из чего его сделать, и как?

В случае со стеной, дар пришёл на помощь быстро, а сейчас всё никак не хотел, но всё же, чрезмерная насыщенность воздуха парами эфира дала о себе знать, к тому же, подстёгивал ещё пылкий азарт, что охватил меня. Из подручных материалов у меня имелся только…, нет, не песок. Песка тут не оказалось, только обыкновенная пыль, я заглянул в замочную скважину и попытался понять, какой ключ требовался. Ничего толком не рассмотрев, стал формировать из слегка влажной пыли заготовку под отмычку.

Что такое отмычки я, естественно, знал, хоть никогда и не пользовался ими. Как ни странно, но с помощью своего дара я смог изобразить мягкую колбаску из пыли и, вложив её в замок, утрамбовать, а вот вытащить уже не смог, она осталась в замочной скважине, и я не знал, как вытянуть её обратно. Всё, тупик.

Оглянувшись назад, я увидел пустой коридор, а ведь можно и назад повернуть, но нельзя. Гордость не позволит. Дальнейший путь сквозь решётку просматривался до следующего поворота, коридор впереди казался пустым, только редкие лампочки под металлическими абажурами спокойно висели, как приклеенные, под потолком, освещая всё вокруг слабым желтоватым светом. Я вздохнул. Думай голова, но, увы, туда ничего не лезло.

Нужна отмычка, но как её сделать? А может, что-то придумать самому? Я смог вызвать к жизни картину внутреннего устройства замка и принялся его внимательно рассматривать. Замок крутился передо мной, щёлкал, показывая закрывающий механизм с разных ракурсов, пока я не понял, что смогу его открыть и без применения каких-то сверхспособностей, нужно всего лишь найти подходящую шпильку.

В моём костюме имелась булавка, которой я прикреплял кошелёк к внутренней подкладке, чтобы ненароком не потерять, она хоть и хлипкая, но и замок небольшой, и этот вариант вполне может подействовать. Я ещё раз заглянул в замочную скважину, подвигал там най-

денной булавкой, помедитировал с внутренним устройством, отслеживая его на картине. С каждой минутой я всё больше добавлял выявленных деталей, пока не решился его открыть.

С первой попытки у меня ничего не получилось, так же, как и со второй, а вот с пятой он внезапно щёлкнул и открылся. Замок оказался весьма простеньким, всего-то лишь на один оборот маленького ключа и закрывался. Распахнув дверцу, я шагнул в коридор, отметив, что на какое-то краткое мгновение мигнула лампочка, висевшая прямо над решёткой. Дальше коридор сворачивал влево, и тут же выходил на финишную прямую, упираясь в некое подобие постамента. На его гладкой поверхности пыхал паром какой-то прибор, в центре которого и находилась та пресловутая кнопка, которую я, собственно, и должен нажать.

Дело оставалось за малым – дойти до него. Перед поворотом налево я столкнулся с новым препятствием, вероятно, последним перед заветной кнопкой. На этот раз все обстояло гораздо серьёзнее. Остаток коридора весь оказался перекрыт струями пара, которые с силой вырывались из щелей, расположенных весьма хаотично и под разными углами по обе стороны коридора.

Время от времени они пыхали раскалёнными струями, что тут же рассеивались в пространстве, отдавая влажность пыли, лежащей на полу и на стенах. Струи пара взмывались невысоко, но обжечь, тем не менее, могли достаточно сильно. Это я понял по сгусткам тепловой энергии, что долетали до меня, к тому же, чем ближе я подходил, тем выше становилась температура в этой части коридора.

Преодолеть сложный участок оказалось не так-то просто, видимо, не зря здесь находились сопла парового агрегата. Это ещё и опасно, но не успел я додумать эту мысль до конца, как в коридоре внезапно послышался голос профессора.

– Господин студент, не вздумайте лезть на рожон. Вы должны преодолеть эту часть пути без всякого риска для своего здоровья. Не сможете, поворачивайте назад. Любая травма, полученная вами, станет засчитываться как поражение, и если вы думаете, что сможете её перенести без последствий, то ошибаетесь. Любое нарушение правил, установленных мною, провоцирует вопрос об отчислении вас из академии. Вы либо отключаете систему, либо преодолеваете её без даже минимального риска для своего здоровья, либо, если не сможете подобрать ключик к ней, возвращаетесь назад. На этом всё, если вы услышали меня, то справа от вас имеется шит с двумя переключателями. Один красный, другой серый. Если согласны, то вы должны провернуть серый, если НЕ СОГЛАСНЫ, то красный, и он автоматически отключит систему подачи пара в коридор, после чего вы сможет вернуться. Думайте, господин студент.

Динамик щёлкнул, и я остался в полном одиночестве, только пыхал пар, шипя, как змеи, что выползли погреться на солнышке в тёплую и влажную погоду. Профессор опять меня переиграл и поставил такие условия, которые нарушить получалось просто невозможно. Думал я недолго и, уверенно подойдя к щитку, с силой провернул серый выключатель.

Ничего не произошло, только щёлкнуло реле внутри щитка, видимо, замкнув какую-то цепь, и профессор узнал о принятом мною решении. Теперь мне предстояло преодолеть новое и неожиданное препятствие. Я даже не думал, что профессор, говоря о жестких условиях на полигоне, мог устроить нечто подобное в подземной лаборатории, а чего же тогда ждать от следующих испытаний? М-да…

А тем временем струи пара так и продолжали бить из стен и никакого удержу не имели. Сдвинув фуражку на лоб, я почесал в великом раздумье затылок. Как быть? Мой запас энергии дара оказывался на исходе, и всё варенье, съеденное за чаем с профессором, уже давно переработалось в чистую энергию. Тут особо не поколдуешь, как говорила моя бабка, смотря на мои художества в огороде, тут работать надобно.

Внимательно отслеживая траекторию, по которой вырывались струи пара, я понял, что преодолеть их просто так не получится, хотя шанс, всё же, имелся. Пытаясь понять некую

последовательность выбрасывания пара, я стал создавать в воздухе её модель, попутно пытаясь разобраться в цикличности и расстоянии, на которое струи кипятка перекрывали коридор.

Получалось, что перекрывают полностью, и проскочить не удастся. Это возможно сделать только в одном случае: если перекрыть три отверстия, которые выстреливали пар с такой частотой, что проскочить все три не получалось. Создав в воздухе похожую модель, я принялся проверять её, посылая туда своего фантома, и каждый раз мой двойник оказывался поражён струей пара. Нужно думать, как избежать этого.

Погасив картину, чтобы не тратить зря остатки своей энергии, я стал молча смотреть на препятствия, лихорадочно соображая, чем можно перекрыть мешающие мне отверстия. Соображать пришлось долго. Выход я видел пока только один: обратить энергию пара внутрь, смешав её с грязью, что скопилась на полу, и закупорить нужные отверстия. Это представлялось мне возможным, правда, почти на грани риска, ведь на кону опять, в который уже раз, стояла моя судьба и дальнейшая учёба в академии. Ошибиться я не имел никакого права, только выиграть, и никак иначе.

От понимания меры ответственности у меня стала болеть голова, и мне показалось, что она увеличилась в несколько раз. Мозг стал лихорадочно проводить вычисления, и я попытался воспользоваться оставшейся энергией дара, чтобы собрать всю грязь и попробовать закупорить хотя бы одно отверстие.

У меня даже получилось это один раз, но дальше дело не продвигалось, а время шло. Сколько я так простоял перед этим препятствием, не знаю, когда мне всё же в голову пришла мысль синхронизировать процесс с вновь вызванной к жизни моделью.

Я просто полностью скопировал работу паронагнетателей и попутно стал оформлять грязевую пломбу, проверяя, как всё будет работать, добиваясь при этом синхронного повторения, как неудачных, так и удачных попыток всё завершить. Голова непрерывно работала, глаза отслеживали каждое сопло с паром и, наконец, я смог заткнуть на короткое время одно из них, потом другое, и третье, но не все вместе, а поодиночке, проверяя, насколько долго я смогу удержать пробки на местах.

Довольно трудным делом оказалось собирать силой своего дара частички пыли, смешивать их с водой, а то и просто собирать грязь, фиксировать её в воздухе, направляя в сторону отверстий, чтобы затыкать их, да ещё и удерживать там. Раньше я так делать не мог, а теперь научился, поэтому простое удерживание картинки в воздухе сейчас мне казалось второстепенным и незначительным проявлением моего дара.

Я становился ощутимо сильнее, и всё благодаря действиям во время драки, поучениям профессора и наработанному опыту. И вот сейчас старался выложиться по полной. Это дело чести! Я должен доказать, что сумею преодолеть все препятствия, и теперь у меня появилась ещё одна цель: я хочу встречаться с Женевьевой, пусть без всяких ожиданий, но видеть её хотя бы изредка.

А как этого добиться? Тем, что обо мне станут говорить в академии только хорошее и, может, даже восхищаться. Тут мои фантазии неожиданно стали мешать воображению, то есть дару, я утратил контроль, картина стала размытой, а все усилия по закупорки отверстий пошли прахом, даже, скорее, паром.

Струи стали хлестать ещё сильнее, наполняя коридор нестерпимым жаром и влажностью, этак и упреть недолго, да и вообще, мне кажется или воздух стал намного насыщенней? Мне даже показалось, что стало труднее дышать, и я не ошибся, с каждой минутой дышать действительно становилось тяжелее. Нужно торопиться!

Оставив мысли о Женевьеве, неуместные и мешающие мне сосредоточиться, я стал упорно собирать грязь со всех мест и формировать из неё заглушки, параллельно этому вновь конструируя модель работы препятствия. Наконец, мне удалось полностью закупорить одно из

отверстий и, не теряя времени даром, я стал заделывать ещё два, чтобы успеть проскочить по коридору.

Между тем, становилось невыносимо жарко, я весь взмок, пот лился с меня ручьём, не переставая, но отвлекаться и отдыхать я не собирался. Закупорив следующее отверстие, я стал работать над третьим и, понимая, что могу не успеть, начал двигаться вперёд. Силы моего дара уже находились на исходе, и взять дополнительные мне неоткуда. Это оставался последний шанс на успех, и я им воспользовался.

Не успел я пройти место, где работал первый закупоренный нагнетатель, как он буквально за моей спиной освободился и с грозным шипением ударил в противоположную стену мощным фонтаном пара, но я уже успел его проскочить и клубы раскалённой до газообразного состояния воды не успели коснуться моей одежды. Понадобилась всего одна секунда, чтобы я проскочил опасное место, и ещё через пару секунд я буквально вывалился в коридор, что уже не дышал раскалённой ловушкой мне в спину. Я сделал это!

Сделав несколько шагов до постамента с кнопкой, я остановился, переводя дыхание. И в этот момент позади меня все струи пара резко усилили свою мощность и выдали такую концентрацию, что если бы я находился там, даже не входя в зону их воздействия, то сварился, наверное, заживо. Я вздрогнул и, решительно шагнув вперёд, с усилием вдавил кнопку.

Внутри постамента что-то щёлкнуло, а находящаяся за ним дверь, которую я заметил только сейчас, открылась. Я оглянулся назад и заметил, что струи пара стали затихать, постепенно сходя на нет. Интересно, что это было? Может, сбой аппаратуры или просто какой-то неизвестный эффект, хотя меня могло и убить им. Не думаю, что профессору интересна моя смерть, скорее наоборот.

Пожав плечами, я шагнул к двери и, распухнув её настежь, увидел короткий коридор, что вёл в комнату с аппаратурой. Услышав её знакомый характерный звук, я захлопнул дверь за собой и пошёл вперёд.

Глава 5. Стратегия и тактика

Генерал-губернатор Новгородской губернии граф Владимир Михайлович Васильев находился на совещании у государя-императора Павла Пятого. Павел Пятый, человек среднего роста, худощавый, с мелкими чертами лица, высоким большим лбом и рыжеватыми, вьющимися на концах волосами, имеющий явные залысины, внимательно слушал докладчика. При этом он беспокойно расхаживал по огромному кабинету, в котором и проходило совещание. Причина нервозности императора легко объяснялась: именно поэтому и созывалось данное совещание. В текущем году в таком составе оно проходило впервые.

Граф вздохнул, видимо, в дальнейшем их чаще станут привлекать на совещания, да и у себя в губернии придётся проводить подобные. Конечно, доводить информацию своим подчинённым нужно весьма дозированно, скорее, больше намёками, но то, что придётся стать с ними строже и требовательнее, несомненно. Над Склавской империей ощутимо сгущались тучи международного конфликта, и это пора понимать всем.

Империя на сегодняшний день переживала не лучшие времена, если не самые худшие, и император упорно искал выход из создавшегося положения. Определенно, он имелся, но вот какой? С кем заключить союз, а от кого держаться подальше? Кто враг, а кто друг? И кто из них настоящий, что друг, что враг?

Европа, всю историю раздираемая войнами по любому поводу, лицемерно относилась к любой ситуации, а в последнее время и вероломно, ведь на кону стояли огромные деньги и самые большие запасы эфира в просвещённом мире. Кто завладеет ими, тот и станет гегемоном и сможет навязывать свою волю всем остальным странам.

Несомненно, в других частях света также имеются большие запасы и месторождения эфира, а сколько их ещё не разведано? Но для исследований нужны время и деньги, а ни того, ни другого у большинства развитых стран Запада не имелось в достаточных количествах.

Да ладно бы только это, дело в том, что неожиданно для всех наступил цейтнот! Последние научные исследования оказались весьма удивительными для мирового сообщества и властей. Открытие получилось совершенно случайно, и также случайно стало достоянием научной общественности, что не сразу осознала, какой это даст эффект.

На этой мысли граф Васильев только покачал головой. И кто учёных, позвольте сказать, считает умными?! Они дураки, такие разработки надо держать в строжайшей тайне, но, увы, это оказался секрет Полишинеля. Никто не думал, что возможно получать эфир в больших количествах, и не разрабатывал технику на нём, а тут такой прорыв! Ходили неясные слухи, что дело не только в этом, а в том, что в дальнейшем наука позволит добывать эфир не только из породы, но и из воздуха, а там не за горами и синтезирование его.

А ещё никто не отменял внутренние разногласия и борьбу за гегемонию. Один лидер сменяет другого, и вместе они бьются с тем, кто на их поражении стремится прорваться в ведущие. Склавская империя тридцать лет назад тоже попыталась сыграть в эту игру, но после предательства союзников еле смогла унести ноги, потеряв часть давным-давно присоединённых территорий, в частности Полабию и Угорию.

Сам граф считал это скорее благом, чем неудачей, но его мнения никто не спрашивал, а сам он старался его никому не навязывать, зная настроения, царившие в кругах окружающей его элиты. Да и сами полабы, хоть и потеряли связь с империей, тем не менее, часть их ещё жила здесь, и даже некоторые занимали весьма внушительные посты, которые после такого предательства занимать не должны были, ни при каких обстоятельствах.

Впрочем, граф понимал императора – путь вырывания старого с кровью и корнями грозил империи большими внутренними осложнениями, а там и до гражданской войны недалеко,

чего император старался категорически избежать. Граф же считал всех полабов циниками и патологическими предателями, и не доверял никому из них, даже тем, кто считал его своим другом. В поведении это никак не проявлялось, но граф один раз сделал для себя заметку и придерживался определённой линии поведения в любых обстоятельствах. Не умел он по-другому, не приучил его к тому отец, блестящий гвардейский офицер и настоящий патриот своей Родины.

Отец погиб в бою, сражаясь за Отечество, и граф свято чтил его память, жалея, что уже не сын его оказался ближе к военной службе, а дочь, которую хотелось бы выдать замуж за потомственного дворянина и офицера, но… как уж получится.

Тем временем император перестал нервно расхаживать по кабинету и оборвал докладчика на полуслове.

– Каков ваш вывод?

– Вывод можно сделать только один, Ваше Императорское Величество, быть войне!

– Весьма глубокомысленный вывод и, главное, неожиданный, – саркастически заметил Павел Пятый, – этот вывод сделан уже давно, и не только вами. Когда начнётся война?

– У нас есть ещё год или два, не больше.

– Год или два?! Очень мало, мы не успеем перевооружить армию и флот. Наука развивается, появляются новые виды вооружений, до этого момента немыслимые, а мы пока отстаём во всём, впрочем, как и всегда, и у нас катастрофически не хватает собственных кадров.

– Военные академии объявили повышенный набор, Ваше Императорское Величество. В юнкера берут уже со всех сословий, на днях по вашему указу создана военная академия для низших чинов, куда принимают со всей империи детей крестьян, мещан и рабочих.

– Хорошо, но недостаточно. Какие ещё меры мы можем инициировать?

Докладчик задумался.

– Ясно. Даю вам срок неделю, чтобы подготовить на моё имя письменный доклад и представить все необходимые для этого предложения. Я рассмотрю его в срочном порядке.

Докладчик, а это был начальник Генерального штаба Склавской империи, прищёлкнул каблуками высоких щегольских сапог и, закрыв папку с документами, которыми пользовался при докладе, прошёл на своё место к общему столу.

– Итак, господа, – обратился сразу ко всем император, – мы готовимся к войне. Война неизбежна, как бы мы не старались этого избежать, достаточно много возникло противоречий с нашими уважаемыми «западными» друзьями и главами имперских домов и слишком много жажды реванша у наших европейских партнёров и «друзей». Несомненно, они с удовольствием поквитаются с нами, и каждый из них искренне обрадуется нашему падению и развалу империи. Их мечты могут сбыться, если мы вовремя не примем меры и не встретим их во всеоружии. А сейчас…

Все присутствующие после таких слов ощутимо напряглись и застыли в ожидании, зная, насколько император мог оказаться непредсказуемым в своей речи. Вспыльчивый и, на первый взгляд, поверхностный, он постоянно держал всех в напряжении своей непредсказуемостью, но те, кто хорошо его знал, понимали, что это всего лишь маска.

Император был на редкость хладнокровным человеком и победил в борьбе за престол целиком и полностью за счёт своего ума и здравомыслия, хотя всегда казался недалёким и суетливым, безо всякой на то причины. С раннего детства он усвоил правило – тебя воспринимают тем, кем ты кажешься, благодаря этому ему и удалось взойти на престол, несмотря на многочисленных родственников-конкурентов, а взойдя на него, он уже больше десяти лет удерживал власть, без всяких видимых усилий.

Смотря на императора, граф Васильев мог подобрать к нему только один эпитет – профессиональный интриган! Правда, в этот эпитет граф не вкладывал негативный оттенок,

наоборот, он восхищался мастерством, с которым император обводил вокруг пальца многих вокруг. Начиная от Великих князей, заканчивая европейскими монархами.

К сожалению, в данное время даже эти, весьма специфические, способности Павла Пятого не давали должного эффекта, скорее, наоборот. Слишком тяжёлым и трудным оказался поиск возможных союзников, что не предадут или хотя бы не сделают это сразу, и всё из-за запасов так всем необходимого эфира. Тем временем император продолжал.

– Господа, все вы слышали докладчика, спасибо ему за весьма содержательный доклад и расклад обстановки на сегодняшний день. А теперь я подытожу его слова и сообщу выводы.

Павел Пятый подошёл к огромной карте, которая висела за его спиной, и пару минут в задумчивости стоял, рассматривая её, повернувшись спиной ко всем. Граф и все присутствующие терпеливо ждали, когда его Императорское Величество соизволит продолжить. Пауза длилась не очень долго, минуты две, после чего император подошёл к столу, взял великолепную указку, сделанную из красного дерева и, вернувшись к карте, ткнул в её центр.

– Склавская империя, население восемьдесят миллионов человек, на востоке и северо-востоке граничит с Великой Манчжурией, на севере ограничена Ледовитым океаном, на северо-западе граничит со Свейской империей, которая претендует на нашу Курляндию. На юге и юго-востоке граничит с Туркестанским ханством, находящимся под контролем Кельтеберийской империи. На юго-западе граничит с Персией и Анатолией, а также с Закавказьем, находящемся под её протекторатом. На западе граничит сразу с несколькими государствами: «Великой» Полабией, Тевтонской империей и Транслейтанией.

Закончив экскурс в политическую историю, император отошёл от карты и неожиданно для всех сунул указку в руки министру торговли и промышленности.

– Прошу вас, Викентий Дормидонтович, озвучить всё, что касается запасов эфира. Прошу к карте.

Моложавый, коренастый, со строгим неприветливым лицом, министр торговли и промышленности крякнул от неожиданности, но схватил протянутую указку, сразу же встал и, невольно передёрнув плечами, пошёл к карте. Остановившись возле неё, он помедлил несколько мгновений, собираясь с мыслями, и начал доклад.

– На сегодняшний день склавский эфир является одним из самых чистых по своей консистенции и качеству. Мы располагаем самыми большими в мире разведанными запасами. Наши основные месторождения находятся вот здесь! – министр ткнул указкой в место, подписанное мелким шрифтом. – В Юзовке. Здесь же находятся и отвалы породы, так называемые терриконы, которые мы можем вторично переработать, благодаря новейшим открытиям в науке и технике, отчего в течение года мы сможем располагать самым богатым запасом эфира в мире! Задачи по вторичной переработке некогда пустой породы уже начали решать, идёт строительство нового обогатительного комбината, работы по которому мы завершим к концу года, и тогда же запустим весь процесс переработки. Остальные месторождения находятся на Урале и в Сибири. Самые труднодоступные – в Сибири и на Севере. Ваше Императорское Величество, доклад закончен.

– Доклад принял, – ответил Павел Пятый, – а теперь я прошу подойти к карте министра иностранных дел. Прошу вас, Пётр Фридрихович.

Названный министр, высокий сухопарый человек довольно пожилого возраста, с обликом настоящего тевтонца, молча склонил голову, встал и, приняв указку от идущего на своё место министра промышленности, подошёл к карте.

– Пётр Фридрихович, прошу вас озвучить наши сегодняшние союзы и стратегию заключения других договоров, особенно военных. Перспективы, возможности, имеющиеся шансы.

– Всенепременно, Ваше Императорское Величество. С чего начать?

– Начните, пожалуй…, – тут император задумался и стал мерить шагами пространство кабинета, погрузившись в собственные мысли.

– Начните с… пока действующих союзов.

– С каких именно: торговых или военных, Ваше Императорское Величество?

– С военных.

– Понял. Ваше Императорское Величество! Господа! На сегодняшний день у нас заключён союз о взаимопомощи и военном сотрудничестве только с Цислетанией, Югославией и Гасконской республикой, но последняя посылает недвусмысленные сигналы о том, что собирается разорвать соглашение с нами, в угоду заключения нового союза с Кельтеберийской империей.

– То есть, – перебил его тут же император, – военных союзников у нас практически не остаётся?

– Практически так, Ваше Императорское Величество. Цислетания слишком слаба, чтобы оказать нам посильную помощь, а Югославию постоянно раздирают внутренние противоречия. В такой ситуации там уже недалеко и до распада на более мелкие государства по вере и национальностям. В то же время Гасконская республика находится на подъёме и не упустит возможности усилиться за наш счёт.

– Ожидаемо. А что Тевтонская империя, она готова заключить с нами пакт о ненападении и взаимном сотрудничестве? Я уже не упоминаю о военном союзе, его с нами никто заключать не желает, даже Великая, гм, Манчжурия.

– Ваше Императорское Величество, ваш кузен, император Тевтонской империи, Фридрих Третий неоднократно заявлял, что готов пойти на военный союз с нами, но только при определённых условиях, о которых вы знаете. Ваш ответ всегда оставался неизменным – нет.

– Предложенные условия военного союза с тевтонами приемлемы для меня, как человека, но не приемлемы для меня, как императора. Каковы настроения в Европе, что пишут послы?

– Я представлю вам подробнейший доклад об этом, Ваше Императорское Величество. Сейчас я не готов озвучивать многие подробности. Кратко и для всех могу охарактеризовать настроения в Европе как реваншистские и агрессивные. Это касается практически всех, без исключения, крупных государств. А более мелкие ищут возможности военного союза с крупными, делясь по своим предпочтениям на две стороны.

– Ясно. Ваш доклад подождёт до завтра, а теперь скажите всем кратко и ясно, чтобы ни у кого не оставалось никаких иллюзий, что думают о нас в Европе. Здесь находятся высшие чиновники моей империи, они должны знать. Это изрядно сократит время уяснения ими текущего положения дел и общей мировой обстановки. А то многие из ВАС, господа, изрядно расслабились и собираются почитать на лаврах независимого государства ещё сто лет. Этого больше не будет, прошу вас, господин министр.

Министр иностранных дел обвёл всех туманным взглядом, выдерживая необходимую паузу для того, чтобы максимально кратко и так же максимально чётко ввести всех в курс текущей международной обстановки. Особо расписывать здесь ничего не требовалось, все, или почти все, внимательно следили за мировыми событиями и иллюзий не питали, но он знал гораздо больше о том, и потому император и приказал ему довести до присутствующих нынешний общемировой расклад.

Удобнее перехватив красивую тёмно-красную указку, министр приступил к докладу.

– Ваше Императорское Величество! Господа! На сегодняшний день мы, как я уже и упоминал, обладаем союзом только с тремя государствами в военном отношении, а в торговом – практически со всеми. Также со всеми государствами, кроме мелких, или совсем уж незначительных, установлены дипломатические отношения. А теперь, Ваше Императорское Величество, позвольте мне указать более подробно о том?

– Дозволяю, – сказал Павел Пятый и отошёл к окну, задумчиво глядя в него.

– Север брать не будем. После того, как мы оставили Аляску, передав её Свободному государству Квебек, с той стороны нам ничего не угрожает. Торговые отношения стабильны, склавским поселенцам, что решили остаться там на постоянной основе, ничего не угрожает.

Никаких агрессивных планов Квебек по отношению к нам не питает, и питать не может, в силу географических причин и своей внутренней слабости, – министр сделал паузу и обвёл глазами весь кабинет, после чего спросил. – Есть ли, господа, у кого-нибудь ко мне вопросы по Северу?

Все промолчали, а император, отойдя от окна, сказал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.